

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Факир
против мафии

Фридрих Евсеевич Незнанский

Факир против мафии

Серия «Марш Турецкого»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171449

*Факир против мафии: ООО «Агентство „КРПА Олимп“: ООО „Издательство АСТ“; Москва; 2004
ISBN 0-0000-0000-0, 5-7390-1407-7*

Аннотация

Сразу после выборов в Госдуму в своей квартире была найдена мертвой известная на всю страну женщина-политик Елена Канунникова. Вначале следствие пришло к выводу, что это «обычное» самоубийство. Но вскоре сыщикам пришлось убедиться, что смерть Канунниковой – это лишь первое звено в цепочке страшных событий, происходящих не только в нашей стране, но и в ближнем зарубежье. Раскопать истинную подоплеку преступления помогли специалисты из частного детективного агентства «Глория».

Расследование странного преступления поручено следователю Турецкому. Постепенно «важняк» понимает, что ввязался в смертельную игру, ставкой в которой является не только его собственная жизнь, но и жизни близких ему людей. И от лояльности Турецкого зависит – будут они жить или нет. Турецкий принимает важное для себя решение...

Содержание

Глава первая	4
1	4
2	9
3	17
Глава вторая	18
1	18
2	25
3	31
4	36
5	43
Глава третья	48
1	48
2	52
3	57
4	67
5	74
Глава четвертая	78
1	78
2	85
3	96
4	107
5	111
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Фридрих Евсеевич Незнанский Факир против мафии

Глава первая Дурной пример

1

Игорь Федорович Столяров, пожилой оперативник угро, достал из кармана пиджака сигареты и не спеша закурил. Зрелище, которое он увидел полтора часа назад, всколыхнуло в его душе немало неприятных эмоций. Не то чтобы он отличался повышенной чувствительностью, нет, просто с годами начинаешь на многие вещи смотреть иначе, и то, что неприятно поразило тебя в двадцать лет, а потом стало обыденностью в тридцать, к пятидесяти снова обретает свой противоестественный и шокирующий для нормального человека вид.

С тех пор как Столяров увидел эти трупы, прошло уже полтора часа, однако на душе у бывалого опера все еще было

погано.

Елена Сергеевна Канунникова лежала у себя в квартире с простреленной головой. Лежала она на полу, широко раскинув руки, словно перед смертью попыталась обнять весь мир. Мир, который так несправедливо с ней обошелся. Лицо Елены Сергеевны – при жизни нервное и подвижное – стало безмятежным и спокойным, словно она наконец-то добилась того, за что воевала все эти годы в Государственной Думе.

В метре от Канунниковой сидел на полу ее муж и верный сподвижник Арсений Каматозов. В отличие от Елены Сергеевны лицо бывшего боевого офицера было удивленным и недовольным. Широко раскрытые глаза Каматозова разглядывали неровное алое пятно, расплзшееся по его рубашке, аккуратно на уровне сердца. Седые волосы старого солдата были слегка растрепаны, на щеках проступила густая поросьль. В минувшую ночь у него явно не было времени побриться. В правой руке Каматозова был зажат черный, маслянистый пистолет, из которого, похоже, он так и не успел выстрелить.

Да уж, ночь для политиков была хлопотная...

Мимо пробежала стайка детишек в разноцветных теплых куртках. Столяров проводил их взглядом, потом глубоко затынулся сигаретой и выпустил изо рта лохматое облако дыма. Посмотрел, как это облако медленно расплывается в воздухе, и мрачно усмехнулся.

Он вспомнил, как еще несколько часов назад Канунникова и Каматозов с жаром рассказывали журналистам о пер-

спективах своей работы в новой Думе. Они абсолютно не сомневались, что их партия – «Экологическая партия России» – преодолеет пятипроцентный рубеж и пройдет в парламент.

«Мы будем придерживаться тех же принципов, что и раньше, – говорила в телекамеру Елена Сергеевна твердым, хрипловатым от бессонницы и волнения голосом. – Никто и ничто не помешает нам свернуть с избранного пути. Я уверена, что наши избиратели проголосуют так, как нужно. Завтрашний день покажет, насколько я была права».

– Вот и показал, – пробормотал Столяров, стряхивая с сигареты пепел.

Дверца машины открылась, и в салон забрался молодой следователь Мосгорпрокуратуры Андрей Горшков. Это был невысокий, худощавый парень с редкими, рыжеватыми волосами и безликим, конопатым лицом.

– Ну как? – спросил его Столяров. – Уже есть какие-нибудь версии?

Горшков покачал головой:

– Нет. И быть не может. Делать выводы на основе одного только осмотра места происшествия глупо.

– Когда как, – пожал плечами Столяров. – Иногда и одного взгляда достаточно. – Оперативник щелчком пальца вышвырнул окурок в открытое окно, вздохнул и сказал: – Кровавое это дело – политика, вот что я вам скажу. И чего только бабам не хватает? Чего они в политику лезут?

– Наверное, хотят самореализоваться, – предположил

Горшков.

– Ну и пусть бы самореализовывались на кухне, возле плиты.

Горшков улыбнулся:

– Несовременно мыслите, Игорь Федорович.

– Несовременно, говорите? Кхе-х. Канунникова вот мыслила современно, и где она теперь?

Поскольку следователь ничего не ответил, Столяров предположил:

– Похоже, действовали профессионалы, а? Никаких ведь следов не оставили, сволочи. Одна надежда на «пальчики». Ума не приложу, почему он в них не стрелял? Ведь ствол-то был в руке.

Горшков с интересом посмотрел на оперативника:

– Вы имеете в виду Каматозова?

Тот кивнул:

– А то кого же? Офицер в отставке. Чечню прошел. И не смог выстрелить в этих подонков?

– Он выстрелил, – спокойно сказал Горшков. – И даже два раза.

Столяров удивленно на него посмотрел:

– Правда? А где же тогда следы от пуль?

– Вы их видели, – ответил следователь.

В глазах Столярова мелькнуло удивление. Оперативник хотел что-то сказать, но передумал. Вместо этого он покачал головой, достал из кармана сигареты и снова закурил, стара-

ясь пускать дым в открытое окно, чтобы не тревожить неку-
рящего Горшкова.

Председатель правления «Экологической партии России» Эдуард Васильевич Дубинин был высоким, хорошо сложенным мужчиной, сорока двух лет от роду. Прежде, когда Горшков видел Дубинина по телевизору, лицо политика было самоуверенным и вальяжным. Но сейчас на нем застыло выражение неподдельной и глубокой скорби. Уголки губ слегка опущены, черные брови сдвинуты к переносице, а глаза смотрят грустно и рассеянно.

– Да, – сказал Дубинин дрогнувшим голосом, – вы правы. Для нас это было огромным ударом. Но... – тут он вздохнул, – мы с моими товарищами по партии обязаны продолжить дело, которое начала Елена Сергеевна. Хотя бы ради ее светлой памяти.

Андрей Горшков выдержал паузу, давая понять, что разделяет скорбь политика, затем сказал:

– Эдуард Васильевич, я понимаю ваши чувства. Но мой долг спросить вас: не замечали ли вы чего-нибудь странно-го в поведении Канунниковой? Ну, может быть, она как-то особенно нервно себя вела?

По тонким губам Дубинина пробежала усмешка.

– А вы как думаете? – резко спросил он. – Конечно, Лена нервничала. Ведь в эту ночь решалось политическое будущее нашей партии. Увы, будущее оказалось безрадостным.

Как вы уже знаете, в Думу мы не прошли.

Горшков вновь изобразил на конопатом лице сочувствие и спросил:

– Елена Сергеевна была сильно расстроена?

– Сказать, что она была расстроена, значит, ничего не сказать, – ответил Дубинин. – Она была просто убита результатами голосования. Никто из нас не ожидал столь сокрушительного провала.

Горшков сдвинул рыжеватые брови, кашлянул в кулак и спросил неуверенным, запинаяющимся голосом:

– Эдуард Васильевич, по-вашему, Елена Сергеевна могла решиться на... самоубийство?

Серые глаза Дубинина вспыхнули холодноватым огоньком, казалось, он был оскорблен диким предположением следователя до самой глубины своей партийной души. Но вслед за тем черты лица политика вновь разгладились, он вздохнул и ответил с легким кивком:

– Увы, да. Лена была очень эксцентричной женщиной. И настоящей максималисткой. Вы ведь знаете, как она пришла в политику?

Горшков покачал рыжей головой:

– Нет. А как?

– Видите ли, у Лены в жизни была личная драма, – грустно начал Дубинин. – Лет десять назад у нее умерла от лейкемии сестра Вера. Девочке было всего двенадцать лет, а Лене – тридцать шесть. Представляете, каким это было уда-

ром для Лены с ее чувствительной душой и чутким характером? – Дубинин снова тяжело вздохнул, как бы сокрушаясь по поводу жестокости и несовершенства мира, в схватке с которым проигрывают даже самые сильные люди. После чего продолжил: – После смерти сестры Лена стала заклятым врагом атомной промышленности. Харизма Лены была настолько велика, что стягивала к ней бунтарей всех сортов и мастей. В девяносто третьем году она создала «Экологическую партию России». Это был первый шаг к успеху. Ну а потом были выборы. Помнится, в то время мы добились ошеломляющих результатов.

– Значит, для Елены Сергеевны было жизненно важно победить на этих выборах? – спросил Горшков.

– Именно, – кивнул Дубинин. – Именно так. По всей видимости, она винила в поражении партии себя одну. Лена всегда брала на себя больше, чем могла унести.

– Извините?..

– Пардон, я не так выразился. – Дубинин улыбнулся. – Я хотел сказать, что она отказывалась принимать мир таким, какой он есть. Она была идеалисткой. Поэтому нет ничего удивительного в том, что она могла найти такой... э-э... радикальный выход из сложившейся ситуации.

– Вы считаете самоубийство выходом?

– Для Лены – да. Как ни грустно это утверждать, но реальная жизнь выталкивает таких людей, как Лена, отвергает их. Девиз, с которым она шла по жизни, был таким: «Победить

или погибнуть». Не исключая: как только Лена поняла, что победы не будет, она решила погибнуть. Для меня в этом нет сомнений.

– А ее муж? – спросил Горшков.

Дубинин пожал плечами:

– А что муж? Он обожал Лену, буквально боготворил ее. Арсений Андреевич был на тринадцать лет старше Лены и относился к ней с такой беззаветной нежностью, словно она была маленькой девочкой. Он бы, не раздумывая, бросился в жерло вулкана, если бы она ему приказала.

– А выстрелить? – чуть склонив голову набок, спросил Горшков. – Выстрелить в нее он мог?

Дубинин сдвинул черные брови к переносице, пристально посмотрел на следователя и сказал – очень серьезным и твердым голосом:

– Если бы этого потребовала Лена, то да. Вы знаете, Андрей... извините?

– Петрович.

– Вы знаете, Андрей Петрович, у Елены Сергеевны, как и у любого человека, были свои кумиры. Среди этих кумиров она не раз называла имя Петре Келли. Слыхали такое имя?

Горшков наморщил лоб, вспоминая, но, так ничего и не припомнив, покачал головой:

– Нет. А кто это?

– Основательница партии «зеленых» в Германии, – сказал Дубинин. – Так вот, Петре Келли ушла из жизни точно та-

ким же образом, как это, получается, сделала Лена. Боюсь, что Елена Сергеевна решила взять с отважной немки пример. Дурной пример. А я, к моему стыду, не смог ее вовремя остановить.

– А разве у вас была такая возможность?

Дубинин нахмурился и ответил жестким, назидательным голосом:

– Возможность есть всегда. Я мог внимательнее относиться к этому ее «победить или умереть». Для меня это была просто реплика, для нее – магическая мантра, по которой она выверяла свою жизнь. Возможно, если бы я был в ту минуту с ними, ничего бы не произошло.

Эдуард Васильевич вздохнул.

– Вы знаете, – продолжил он задушевым тоном, – муж Лены, Арсений Андреевич, он ведь прошел две войны. У него были ранения, контузия... Иногда он словно выпадал из жизни. Взгляд его стекленел, движения становились скупыми и точными, как у автомата. Он превращался в настоящего зомби. В такие моменты он выполнял любое приказание Лены. Она словно гипнотизировала его. Думаю, так могло случиться и на этот раз. Скорей всего, она внушила ему эту мысль насчет самоубийства... Велела ему выстрелить сначала в нее, а потом в себя. Зная Арсения Андреевича, я могу предположить, что он выполнил ее приказ, не раздумывая.

Горшков задумался над словами политика. Ему представлялось невероятным, чтобы два взрослых, даже пожилых че-

ловека добровольно ушли из жизни из-за какого-то дурацкого проигрыша на выборах. Впрочем, за полтора года работы в Мосгорпрокуратуре следователь Андрей Петрович Горшков успел насмотреться всякого. Как знать, возможно, у Канунниковой просто сдали нервы. Ночка-то выдалась напряженная.

– К тому же у Лены в последнее время была депрессия, – сказал вдруг Дубинин.

– Депрессия? – вышел из задумчивости следователь.

Дубинин кивнул:

– Да. Ей казалось, что партия вырождается. Что из боевой, активной единицы она превращается в пристанище чиновников и бюрократов. – Эдуард Васильевич развел руками. – Что делать, время баррикад в России безвозвратно прошло. Елена Сергеевна не хотела, да и не могла с этим смириться. Не тот у нее был темперамент.

Горшков задумчиво покивал головой:

– Понятно. А как насчет врагов? Наверняка у Канунниковой были враги?

Дубинин пожал плечами:

– Враги – это слишком громко сказано. У любого политика есть оппоненты. Тем более у того, кто находится в оппозиции к официальной власти. Но это не значит, что политики должны стрелять друг в друга. Им хватает и открытой дискуссии. Ведь для политика главное – привлечь на свою сторону народ, а не перестрелять конкурентов.

– Значит, вы не знаете никого, кто бы мог настолько ненавидеть Елену Сергеевну, чтобы...

– Чтобы убить ее? – нетерпеливо договорил Дубинин. И покачал головой: – Нет. Таких людей не было. Все, кто знал Лену лично, любили ее.

– А вы?

– Я не исключение, – ответил Эдуард Васильевич.

...Разумеется, на этом следователь Горшков не закончил свои изыскания. Спустя полчаса после беседы с председателем правления «Экологической партии России» Дубининым Андрей Петрович встретился еще с одним человеком. Человека этого звали Владимир Юдин, и был он официальным помощником депутата Елены Сергеевны Канунниковой. Встреча проходила в кабинете Юдина в Бахрушинском переулке (у партии здесь был собственный офис).

Владимир Юдин, subtilный паренек лет тридцати, со смуглым лицом и черными, как у цыгана, глазами, был пьян и расстроен. По собственному признанию Юдина, после известия о гибели Канунниковой с ним случился настоящий припадок. Он очень любил Елену Сергеевну и теперь винил в ее гибели себя одного.

– Понимаете, Андрей Петрович, – говорил Юдин Горшкову дрожащим от переполняющего его чувства горечи голосом, – я ведь видел, что с ней что-то происходит. Но ничего не предпринял. Да и что я мог сделать? Да, я обожал Елену Сергеевну. Ее все обожали! Но она никого не впуска-

ла в свою душу. Она все время приговаривала: победа или смерть! Мы смеялись, думали, что она шутит. Знаете ведь, как это бывает?.. О господи, если бы я только мог предположить, что ее слова о самоубийстве не просто шутка, я бы... я бы... – Из глаз Юдина брызнули слезы, и он не смог договорить фразу до конца.

«С этим все ясно», – решил Горшков и не стал больше мучить парня расспросами.

На следующий день следователь Горшков получил заключение баллистической экспертизы. Как и следовало ожидать, версия о двойном самоубийстве политических лидеров «Экологической партии России» целиком и полностью подтвердилась.

Оба выстрела были произведены из пистолета «макаров», который сжимал в руке Арсений Андреевич Каматозов и который принадлежал Елене Сергеевне Канунниковой (личное оружие полагалось ей как депутату Государственной думы). Все отпечатки пальцев, снятые экспертами в квартире Канунниковой, принадлежали Канунниковой и ее супругу.

Андрей Петрович Горшков дочитал заключение экспертов до конца, отложил листы и, откинувшись на спинку кресла, сладко потянулся. Дело можно было считать раскрытым.

Глава вторая

Новое дело агентства «Глория»

1

Денис Грязнов, руководитель детективного агентства «Глория», сидел в кресле, положив сложенные в замок руки на стол, и смотрел на женщину, которая сидела перед ним. Женщина была пожилая, можно даже сказать – старая, однако очень энергичная. Во время разговора она то и дело принималась жестикулировать, размахивая рукой с зажатой в пальцах крепкой сигаретой, источающей такой ядреный запах, что впору было включать вентилятор, чтобы хоть немного разогнать сгустившийся в кабинете Грязнова вонючий, едкий туман.

В конце концов ярый приверженец здорового образа жизни Денис Андреевич решил отступить от своего главного жизненного принципа – никогда и никого не поучать, если только этого не требует необходимость, и мягко сказал:

– Татьяна Николаевна, вам бы поменьше курить. Это уже вторая сигарета за последние пять минут. Здоровья нам с вами это не прибавит.

Татьяна Николаевна махнула рукой:

– Не преувеличивайте. Я курю с четырнадцать лет, а сейчас мне шестьдесят три – и, как видите, я до сих пор жива. И даже относительно здорова. А если даже и окочурюсь – ничего страшного. Загостилась я на этом свете, Денис Андреевич. – Женщина усмехнулась. – Вот, даже дочку свою пережила, – добавила она с каким-то мрачным ликованием.

– Н-да... – вздохнул Денис, не зная, что ей ответить.

– Признаться, пока Лена была жива, я ее не слишком-то жаловала, – вернулась к теме беседы Татьяна Николаевна Канунникова. – Она у меня с молодости такая: как что не по ней – тут же в бой. Особенно когда была подростком. Вот с тех самых пор она меня и считает... простите, считала... своим врагом.

Канунникова помахала морщинистой рукой, разгоняя клубы дыма, и продолжила:

– Леночка ушла из дома, когда ей было всего шестнадцать. Ушла сама, но всю жизнь считала, что это я ее выгнала. Так что я, в конце концов, и сама стала в это верить. Устроилась моя девочка на швейную фабрику и переселилась в общежитие. Потом институт, аспирантура... В те годы мы с ней почти не виделись. Она и с Верочкой-то познакомилась, когда той уже было семь лет. Верочка – это моя младшая, – пояснила Татьяна Николаевна и с грустью добавила: – Она умерла десять лет назад. Лена тогда сильно убивалась. Она обожала Верочку, как свою дочь. Она и по годам годилась ей в матери – я ведь родила Верочку, когда мне было уже за сорок.

Татьяна Николаевна затянулась сигаретой, а Денис воспользовался секундной паузой и спросил:

– Вы говорили, что помирились с Еленой Сергеевной на похоронах Веры?

Канунникова выпустила облако дыма и кивнула:

– Что-то вроде того. Друзьями мы не стали, но она хотя бы начала отвечать на мои телефонные звонки. Иногда мы даже встречались. Правда, очень редко... А, – она махнула рукой, – чего уже об этом вспоминать. Лену все равно не вернешь. Но я могу хотя бы наказать ее убийц. Как знать, возможно, она простит меня за все, что я ей сделала и не сделала. Там, на небесах... – Канунникова вздохнула и добавила: – Если, конечно, небеса существуют.

Денис задумчиво побарабанил пальцами по столешнице. Посмотрел на Канунникову:

– Но почему вы так уверены, что Елену Сергеевну и ее мужа убили? Ведь следствие установило факт самоубийства.

– Грош цена такому следствию, – сухо ответила Татьяна Николаевна. – Леночка никогда бы не стала себя убивать. Она была очень верующей девочкой, но никому об этом не говорила. А я-то знаю, недаром я ее мать. И Арсения за собой не потащила бы. Не взяла бы такого греха на душу.

– Однако факты говорят...

– Плевать я хотела на факты! – вспылила вдруг Канунникова, так сильно махнув рукою, что с сигареты сорвался столбик пепла и упал Денису на бумаги. – Все ваши факты

липовые! Неужели вы думаете, что убийцы Лены были настолько глупы, чтобы оставить следы?

– Я ничего не думаю, – сердито ответил Денис, смахивая с бумаги остывший пепел. – Я просто говорю вам то, что знаю.

Татьяна Николаевна резко наклонилась вперед, накрыла своей ладонью ладонь Дениса, посмотрела ему в глаза и сказала с грубоватой проникновенностью в голосе:

– Сынок, ты должен мне помочь. У тебя ведь, наверно, у самого еще мать жива? Вот и представь себе, как бы она себя чувствовала, если бы с тобой приключилась такая же беда. Тьфу-тьфу, чтоб не приворожить! Если у меня в этом мире и есть перед кем-то долг, так только перед Леночкой. Плохой я была матерью, пока Леночка была жива. Так, может, хоть после ее смерти стану хорошей. Пойми, сынок, я ведь теперь даже умереть не имею права, пока не заплачу Леночке этот долг. Подожди-ка...

Татьяна Николаевна полезла в сумку, достала из нее два брикетика в банковской упаковке и швырнула их на стол.

– Вот! – сказала она, показывая на деньги. – Может, это поможет мне тебя уговорить?

Денис покосился на деньги и слегка нахмурился. Губы его сжались в одну полоску. Он метнул в Татьяну Николаевну глазами две зеленые молнии, однако сдержал свой гнев и ничего не сказал.

Канунникова все поняла и без слов.

– Ты прости, если обидела, – сказала она извиняющимся

голосом. — Дура я старая, не знаю, как такие дела делаются. А деньги тебе предлагаю от чистого сердца. Если много — ты скажи, я лишнее заберу.

— Если мы возьмемся за это дело, хватит и половины этой суммы, — сухо вато ответил ей Денис. — Может, у вас есть какие-нибудь более веские основания полагать, что вашу дочь убили — кроме тех, что вы уже озвучили?

Канунникова затушила вонючий окурок в пепельнице, глянула на Дениса и, секунду поколебавшись, кивнула:

— Есть. Есть основания. Леночка в последний год сильно переживала. Все говорила про какой-то фонд, который ее погубит. Так и говорила: «Зря я связалась с этим фондом. Погубит он и меня, и все мое дело».

— Что за фонд? — насторожился Денис.

Татьяна Николаевна пожала плечами:

— Этого я, сынок, не знаю. Леночка мне не рассказывала, а я боялась спросить.

Денис посмотрел на деньги и еле заметно усмехнулся. Уже два месяца агентство «Глория» сидело без настоящей работы, занимаясь всякой мелочью. Ребята начинали ворчать. А оперативник Филя Агеев несколько дней назад наметнул Денису о каком-то «крутом банке», в который его якобы пригласили на должность начальника охраны. Программист Макс писал на своем компьютере какие-то замысловатые программы для фирм, занимающихся программным обеспечением. Короче говоря, каждый сотрудник был занят

своим делом, а на «корабле» между тем назревал явный и недвусмысленный бунт. Дело Канунниковой давало шанс наладить пришедшие в упадок дела агентства.

– Гм... – сказал Денис и задумчиво почесал пальцем тонкую переносицу. – Допустим, мы возьмемся за это расследование. Но вы ведь понимаете, что результат может быть каким угодно. Возможно, мы подтвердим версию Мосгорпрокуратуры.

Татьяна Николаевна вздохнула:

– Что ж, если вы подтвердите, я, пожалуй, смирюсь. Мне главное – знать об этом наверняка. Если моя девочка и впрямь убила себя, я буду молиться за спасение ее души. Если вы мне скажете, что это так, я вам... поверю. – Последнее слово Канунникова выговорила с трудом, и Денис оценил это.

Он еще раз глянул на деньги, потом перевел взгляд на женщину и спросил:

– Татьяна Николаевна, могу я узнать, кем вы работаете?

– Да никем, – усмехнулась она. – Точка у меня на Черкизовском рынке. Одежду женскую продаю.

– А деньги откуда?

– Накопила. Все думала квартиру новую Леночке купить. Они-то с Арсением ютились в старой хрущевке. Не хотели в депутатское жилье переезжать. «Нам это, – говорили, – ни к чему. Слава богу, свое жилье имеется». Вот я, грешным делом, и подумала: подарю дочке квартиру, небось и про-

стит она меня. А теперь... — Канунникова пренебрежительно кивнула на пачки денег, — зачем они мне? Мне главное, чтоб на хлеб да на сигареты хватало, а остальное — лишняя суета. — Татьяна Николаевна прищурилась. — Ну так как, Денис Андреевич? Поможете вы мне в этом деле или кого другого просить?

Денис на несколько секунд задумался, затем вздохнул и сказал:

— Ладно. Возможно, вы и в самом деле правы. Мосгорпрокуратура тоже иногда ошибается. Мы заключим с вами контракт и распишем все расходы. Судя по тому, что вы готовы расстаться со всеми своими накоплениями, сумма, которую я озвучу, не покажется вам слишком большой.

И Денис взялся за дело.

– Сколько-сколько? – скривился Филя Агеев. – Да за такие деньги я даже с дивана не встану!

– Надеюсь, ты не ободрал старушку как липку? – спросил у Дениса старший оперативник Сева Голованов.

Денис усмехнулся и возразил:

– Что ты, разве я похож на изверга?

– Ты похож на великого альтруиста и сподвижника, – скептически заметил Филя. – Тоже мне, Франциск Асизский нашелся. Хотя... – Филя пошевелил бровями. – Возможно, тут и работать-то не придется. Добудем старушке доказательства, чтобы она успокоилась, и дело в шляпе. Как считаешь, Макс?

Программист Макс сидел на вертящемся стуле перед экраном монитора и рассеянно пощипывал себя за густую бороду. Услышав, что Филя обращается к нему, Макс вскинул голову, несколько секунд смотрел на Агеева невидящим взглядом, потом изрек:

– В данный момент твоими младенческими устами, Агеев, глаголет истина. Что само по себе большая редкость. Если вы хотите знать мое мнение, то я доволен. Какая-никакая, а работа. А то я уже забыл, что служу в детективном агентстве. Вчера весь день сидел над игрой «Чертик и мартышка», делал дизайн. Еще недели две такой работы, и мы с Филей

будем играть в крестики-нолики.

– А что, неплохая игра, – пожал плечами Агеев.

– Угу, – угрюмо отозвался Макс. – Для лиц с коэффициентом умственного развития, как у этой табуретки.

– Ты преувеличиваешь мои способности, – заметил, ничуть не обижевшись, Филя. – Хотя правильно отметил, что – в отличие от тебя – они у меня все-таки есть.

– Брэк! – Денис Грязнов дважды хлопнул в ладоши. Затем обвел подчиненных строгим взглядом и сказал: – С минуты на минуту приедет Кротов, я с ним созвонился. Он считает, что у этого дела есть «большой потенциал».

– Если Крот сказал, значит, так оно и есть, – пробасил со своего стула третий оперативник, грузный, как медведь, и широкоплечий, как штангист, Володя Демидов. – Мне тоже это дело кажется странным. Я, конечно, не психолог, но в людях кое-что понимаю. С таким лицом и с такой бешеной жадной жизни, как у Канунниковой, не кончают самоубийством.

– Гляди ты, какой физиономист выискался, – улыбнулся Филя. – Тебя случайно не Фрейд зовут, а?

– Фрейд, Фрейд, – флегматично покивал Демидыч. – Поработаешь с мое, тоже станешь Фрейдом. А поработаешь чуть дольше, может, и Кротовым станешь. Хотя это вряд ли.

Алексей Петрович Кротов, о котором шла речь, был специалистом по агентурной работе, за годы службы во внешней разведке он приобрел огромное количество нужных зна-

комств, которые приносили «Глории» неоценимую пользу при распутывании сложных дел. Иногда у оперативников складывалось ощущение, что Кротов знает все и обо всем, как великий волшебник Гендальф из фильма «Властелин колец».

– А ну вас к лешему с вашими подколками! – сделал вид, что обиделся, Филя, взял со стола электрический чайник и пошел за водой. Когда через несколько минут он вернулся, Алексей Петрович Кротов был уже в кабинете. Совещание, таким образом, продолжилось.

Денис еще раз пересказал все, что ему рассказала о дочери Татьяна Николаевна Канунникова. Не забыл упомянуть и про таинственный фонд, который должен был «погубить» Елену Сергеевну и ее партию.

– Что, собственно, и произошло, – заметил Кротов.

– Как ни странно, да, – согласился с ним скептически настроенный до сих пор Филя. – Канунниковой нет в живых. А ее партия не смогла перешагнуть пятипроцентный рубеж и не попала в Думу. Смерть физическая и смерть политическая.

– Вот потому-то я и согласился взяться за это дело, – сказал Денис. Он достал из ящика стола пластиковую папку, раскрыл ее и выложил на стол пачку бумажных листов. – Здесь, – Денис ткнул худым пальцем в листы, – то, что мне удалось наскрести. Показания фигурантов. Почитайте, будет полезно.

Листки прошлись по кругу. Денис терпеливо ждал, пока мужчины ознакомятся с текстами и заметками следователя, который вел это дело.

– Как тебе удалось это достать? – поинтересовался Макс, просматривая листы.

– Как всегда – чудом, – ответил Денис. – Это ксерокопии. Мы с Алексеем Петровичем уже обсуждали сегодня утром информацию о фонде. И Алексей Петрович пообещал мне, что попытается раскопать о нем какую-нибудь информацию... – Денис перевел взгляд на невозмутимое лицо Кротова и сказал, обратившись к нему: – Алексей Петрович, вам удалось что-нибудь разузнать?

– Удалось, – кивнул красивой головой Кротов.

Алексей Петрович был, как всегда, чисто выбрит и элегантен, как Дориан Грей. Его седоватые, мягкие волосы были причесаны так гладко, что казались нарисованными на голове. А белоснежная рубашка могла сравниться по чистоте с ангельским крылом.

– Информация скудная, но уж какая есть, – продолжил он. – Я не могу ручаться стопроцентно, но, скорее всего, фонд, о котором упоминала Канунникова, называется «Миллениум». Руководитель фонда – небезызвестный в определенных кругах Юрий Георгиевич Отаров.

Филя присвистнул:

– Сам Отаров!

– Сам Отаров, – кивнул Алексей Петрович. – Дело в том,

что «Миллениум» спонсировал партию Канунниковой на прошедших выборах.

– Не сказать, чтобы успешно, – заметил, потирая подбородок, Володя Демидов.

Кротов покосился на него и с мягкой полуулыбкой сказал.

– Ты прав. Денис Андреевич, – вновь обратился он к Грязнову, – сведения насчет сотрудничества «Экологической партии России» и фонда «Миллениум» нужно, конечно, тщательно проверить. Несколько раз партия отрещивалась от Отарова и его компании. А сам Отаров неоднократно заявлял, что его фонд не оказывает материальной поддержки «маленьким партиям». О «больших» он благоразумно умалчивал.

– Понятно, – сказал Грязнов. – Алексей Петрович, вы сможете проверить эту информацию и узнать подробности?

Кротов вежливо склонил голову и сказал:

– Я попробую.

Все присутствующие знали, что, если Кротов говорит «попробую», значит, он добудет требуемую информацию с вероятностью девяносто девять процентов.

– По-моему, надо тщательнее прошупать Дубинина и этого ее помощника... Юдина, – сказал Сева Голованов. – Сами они, скорей всего, ни при чем, но вполне могут вывести нас на людей, заинтересованных в смерти Канунниковой. Если, конечно, таковые имеются.

– Согласен, – сказал Денис. – Этим вы с Филей и займи-

тись. – Он повернулся к Максy. – Максим, а ты войди на сервер «Миллениума» и поковырай его как следует.

– Да у них же там миллион степеней защиты, – недовольно пробурчал Макс. – Отаров давно на крючке у ментов. Но поймать с поличным и уличить в недобрых делах его до сих пор никто не смог. Все на уровне слухов.

– Возможно, ты будешь первым, кто схватит его за руку, – сказал Денис. – Володя, – обратился он к Демидычу, – а ты, пожалуйста, прокатись домой к Елене Канунниковой, поспрошай там соседей – как и что. Возможно, у ментов просто не дошли руки. Законники – народ торопливый, им нужно повышать раскрываемость, а не заниматься заведомо тухлыми делами.

– Сделаю, – кивнул Демидыч.

Денис обвел сотрудников взглядом и сказал:

– В таком случае, по коням. Отработаем деньги, отчитаемся перед Канунниковой-старшей, и – привет.

– Хорошо, если так, – пессимистично пробубнил Макс. – Чует мое сердце, намучаемся мы еще с этим делом. Как пить дать намучаемся.

– У тебя вся жизнь – одно сплошное мучение, – весело осадил его Филя. – Это все потому, что ты мало бываешь на свежем воздухе. Хочешь, я возьму тебя с собой?

– Обойдусь, – пробурчал Макс и повернулся к компьютеру, давая понять, что разговор окончен.

Дверь кабинета Дубинина приоткрылась, и в проеме показалась светловолосая мужская голова. Голова улыбнулась и спросила:

– Эдуард Васильевич, можно?

– А, это вы! Да-да, проходите!

Дубинин поднялся навстречу журналистам – их было двое: светловолосый и второй – повыше, помощнее и с видеокамерой в руке. Эдуард Васильевич пожал журналистам руки, удивившись, между прочим, крепости рукопожатия светловолосого, который был невысок и худ, и сделал широкий жест рукой:

– Прошу в мои хоромы, господа. Рассаживайтесь, где вам удобней.

Филя Агеев и Сева Голованов (а это были именно они) прошествовали к столу и уселись в глубокие кожаные кресла.

– Только учтите, господа, я ограничен во времени, – напомнил Дубинин.

Филя кивнул:

– Разумеется, мы об этом помним. Сейчас оператор настроит аппаратуру, и мы начнем. – Филя дал знак Голованову, а сам вновь повернулся к хозяину кабинета. – Эдуард Васильевич, прежде всего, примите мои искренние соболезнования по поводу безвременной кончины лидера вашей пар-

тии Елены Сергеевны Канунниковой.

– Спасибо, – трагическим голосом сказал Дубинин, нахмурил черные брови и вздохнул: – Для нас это было огромным ударом. Мы до сих пор не можем оправиться.

– Да, – тихо отвечивал Филя, – Елена Сергеевна была неординарным человеком. Я постараюсь, чтобы мои вопросы звучали тактично, хотя, вы сами понимаете, вопроса о ее... смерти нам не избежать.

Дубинин недовольно поморщился, но возражать не стал.

Тем временем Сева энергично водрузил видеокамеру на штатив, «поставил свет» и объявил:

– Готово. Можно снимать.

Филя пристегнул к лацкану пиджака Дубинина маленький микрофон, и интервью началось.

– Эдуард Васильевич, удастся ли «Экологической партии» сохранить свои позиции и – что немаловажно – свою целостность после гибели Елены Сергеевны?

Дубинин тихонько вздохнул, показывая, что любое упоминание о Елене Канунниковой вызывает в его душе новый прилив горести и отчаяния, и только после этого ответил:

– Я уверен, что да. Смерть Елены Сергеевны еще сильнее сплотила нас. Знаете, кто-то из великих сказал: если горе не убивает нас, оно делает нас сильнее. Думаю, эта фраза вполне применима к нашей ситуации.

– Эдуард Васильевич, мы разделяем ваши чувства, но в связи с этим сам собой напрашивается вопрос: не была ли

смерть Елены Сергеевны *спланирована* кем-то?

Филя сознательно сделал акцент на слове «спланирована», на какое-то мгновение ему показалось, что веки Дубинина дрогнули, а в глазах полыхнул недобрый огонек, но если это мгновение и было, то председатель правления партии быстро взял себя в руки.

– Следствие уже ответило на этот вопрос, не так ли? – ровным, спокойным голосом сказал Дубинин. – У меня нет причин не доверять Мосгорпрокуратуре.

– Эдуард Васильевич, сразу оговорюсь, что мной движет отнюдь не праздное любопытство, – с мягкой, даже виноватой улыбкой произнес Филя. – Мы сейчас как раз проводим собственное, журналистское, расследование. И у нас есть основания полагать, что смерть Канунниковой была выгодна определенным людям. – Филя выговорил эту фразу быстро и веско и тут же без всякого перехода спросил: – Кстати, вы ведь выступали на выборах в едином блоке с «Всероссийской славянской партией»?

– Да, – с некоторым раздражением ответил Дубинин. – Но я не понимаю, как это может быть связано с убий... со смертью Елены Сергеевны?

Филя мягко улыбнулся.

– Ага, – сказал он и поднял палец. – Значит, вы тоже считаете, что это было убийство? Остановимся на этом подробней.

– Я? – Серые глаза Дубинина забежали. – Что за чушь? Как

это вам взбрело в голову?

— А какова во всем это роль фонда «Миллениум»? — резко спросил Филя. — Этот фонд, кажется, спонсировал деятельность вашей партии?

— Какое это имеет отношение к делу?! — взвился Дубинин.

— Как это какой? — «удивился» Филя. — Ведь «Миллениум» имел свой интерес, спонсируя партию. Возможно, этот интерес не пришелся по душе Канунниковой.

— Чушь! — почти крикнул Дубинин. — Чушь и бред! Елена Сергеевна никогда и ничего не имела против «Миллениума»! А все инсинуации на эту тему — наглая и бессовестная ложь!

— Так, значит, убийство Канунниковой связано с объединением двух партий в один блок, — резюмировал Филя таким голосом, словно ему только что об этом сказал Дубинин.

И без того загорелое лицо Дубинина еще больше потемнело. Глаза налились кровью, а тонкие губы мелко затряслись.

— Прекратите это! — рявкнул он. — Прекратите это немедленно! Остановите запись!

Сева Голованов послушно отключил камеру.

— Интервью закончено! — холодно, даже злобно произнес Дубинин. — Забирайте свои манатки и убирайтесь отсюда прочь! К чертовой матери!

— Жаль, — с грустью сказал Филя. — Жаль, что у нас не получился диалог. А я так рассчитывал на вашу помощь, Эдуард Васильевич.

Ладони Дубинина сжались в кулаки, он тряхнул этими внушительными кулаками в воздухе и рявкнул, как рассерженный лев:

– Вон! Вон отсюда, мерзавцы! И чтоб ноги вашей больше здесь не было! Я приложу все усилия, чтобы вас уволили с телевидения!

Филя улыбнулся, встал с кресла и, бросив Сева: «Пошли отсюда», двинулся к двери. Вопреки Филиным ожиданиям, останавливать их никто не стал.

Уже на улице, сев в машину, Филя спросил у Голованова:

– Ну как твое мнение?

Сева пожал плечами и спокойно ответил:

– Слабак. Даже не пришлось особенно давить. Такие в политике долго не держатся.

– Если только им кто-нибудь не помогает, – заметил Филя.

Сева подумал и сказал:

– Согласен.

Едва Володя Демидов нажал на кнопку звонка, как за дверью послышались чьи-то быстрые, шаркающие шажки.

– Кто там? – спросил из-за двери звонкий старушечий голос.

– Здравствуйте, – пробасил Демидыч, стараясь придать своему голосу максимально «интеллигентный» оттенок. – Я бы хотел с вами поговорить. По поводу вашей соседки Канунниковой.

– А вы кто? Из милиции?

«Да», – хотел сказать Демидыч, но привычка говорить правду взяла верх.

– Нет, – сказал он. – Я... журналист. Из газеты «Криминальная хроника». Веду журналистское расследование. – Это вырвалось у Демидыча само собой. Всем прочим соседям он представлялся частным детективом, но здесь интуитивно почувствовал, что старушку истинное положение вещей не слишком-то обрадует.

– Журналист? – переспросила старушка.

– Так точно. Собираю материал для статьи.

Сухо щелкнул замок, и дверь слегка приоткрылась. Цепочку старушка из предосторожности снимать не стала. Лицо у старухи было морщинистое, худое и острое, как у хорька; маленькие, бойкие глазки обшныряли Демидыча с ног до

головы. После чего старушка сказала:

– А удостоверение у вас есть?

– Есть, – сказал Демидыч и опять соврал.

Старушка вновь оглядела его с ног до головы, задержалась взглядом на добродушном лице и, поразмыслив пару секунд, откинула цепочку. Затем распахнула дверь:

– Ну входите, раз пришли.

– Благодарю вас.

Володя зашел в прихожую. Старушка закрыла за ним дверь и указала на стул:

– Садитесь здесь. В квартиру я вас не пущу, у меня не убрано.

Демидыч сел на стул. Старушка прислонилась плечом к стене, сложила тонкие руки на груди и внимательно, как следователь или прокурор, взглянула на Демидова.

– Я бы хотел задать вам пару вопросов, – начал Демидыч осторожным голосом. – Это касается вашей бывшей соседки – Елены Канунниковой.

Старуха дернула уголком сухого, морщинистого рта, что должно было означать усмешку, и сказала:

– Знаю, знаю. Ее убили.

Брови Демидыча удивленно взлетели вверх.

– Убили?

Старушка энергично кивнула:

– Да. А вы разве не знаете? Какой же вы после этого журналист?

– Э-э... Но ведь официальная версия гласит, что...

– Официальная версия может гласить все, что ей угодно, а только то, что Лену убили, я знаю точно. – Старушка откинула со лба седую прядь и победно глянула на Демидыча. – Что? Не ожидали, что я сразу возьму быка за рога? Думали, буду с вами мямлить? Нет уж. Правду так правду. И так и запишите в этой вашей статье: Лидия Никаноровна Грумская – так меня зовут – видела убийц.

Старушка усмехнулась, приподняла одну бровь и посмотрела на Демидыча сверху вниз.

– Значит, вы утверждаете, что видели убийц Канунниковой? – произнес Володя таким голосом, словно зачитывал старушке приговор. – Почему же вы, в таком случае, не сообщили об этом милиции?

Старушка фыркнула:

– С какой стати?

– Чтобы исполнить свой гражданский долг, – сказал Демидыч.

– Исполнила бы, если б они исполняли свой, – с неожиданной яростью произнесла старушка и поджала губы. – Невинных сажать за решетку – это они умеют. Моему внуку Павлику не было и двадцати, когда они его упекли. Совсем еще мальчик, глупый и неопытный. А это стерве, из-за которой он сел, почти тридцать!

– Ваш внук что, сидит в тюрьме? – осторожно спросил Демидыч.

Старушка энергично кивнула:

– Четвертый год! А эта сучка живет и благоденствует. Каждый день мелькает у меня под окном, когда идет на работу. Специально выбирает этот путь, чтобы надо мной позизгаться! И после этого я буду им что-то рассказывать? – Старушка скрутила из сухих, тонких пальцев кукиш и сунула его Демидычу под нос. – Вот им! И вам, если вы их защищаете!

– Что вы, Лидия Никаноровна, совсем наоборот, я на вашей стороне. Я тоже не уверен, что Канунникова умерла по собственной воле. Вы сказали, что видели ее убийц. Расскажите, пожалуйста, об этом поподробнее.

Старушка недоверчиво сощурила глаза:

– А мои слова будут иметь хоть какое-то значение?

– Огромное! – заверил ее Демидыч. – Ваши слова будут иметь огромное значение! Обещаю вам, что отнесусь к ним с максимальным вниманием.

– Хм... – Лидия Никаноровна вновь по-наполеонски сложила руки на груди. – Тогда, пожалуй, расскажу. В тот день я сидела с вязаньем у окна. Я плохо вижу, а от электрического света у меня болят глаза, поэтому я всегда сажусь к самому окну.

– Так, так, – сказал Демидыч. – Продолжайте, пожалуйста.

– Это было утром. Часиков, наверно, в... Во сколько умерла Лена?

– Вроде около десяти.

– Вот-вот, – кивнула старушка. – Примерно в это время они и прошли. Видели у нас во дворе гаражи?

– Ну.

– Из-за этих гаражей они и вывернули. Я сразу подумала, что дело нечисто. Двигались они как-то очень уж подозрительно. Как будто боялись, что на них кто-то обратит внимание. И одеты были не по погоде: в легкие куртки и кепочки. Знаете, такие... с длинными козырьками...

– Бейсболки?

– Ну да. Перебежали через двор, как крысы, и шныркнули в наш подъезд. Я тогда сразу поняла, что неспроста это. А когда через пару часов ко мне в дверь милиция позвонила, я уже точно знала, что кого-то убили. – Старушка тяжело вздохнула. – Вот только не думала, что это будет Лена. Хорошая была женщина, приветливая, спокойная. Побольше бы таких, может, и на свете жилось бы лучше.

– А через какое время они вышли, эти подозрительные личности?

Лидия Никаноровна с секунду подумала и ответила:

– Да минут через двадцать. Только вышли уже втроем.

– Втроем? – удивился Демидыч.

Старушка кивнула:

– Угу. Двое опять пошли к гаражам, а третий сел в машину и уехал.

– Так-так, – раздумчиво сказал Демидыч. – Может, вы и марку машины запомнили?

Но на этот раз его ждало разочарование. В машинах старушка не разбиралась, к тому же страдала дальтонизмом, поэтому не могла назвать цвет. Зато точно помнила, что одет третий был в длинное темное пальто, а на голове у него была вязаная шапочка («гондонка», как назвала ее старушка).

– Лидия Корнеевна... – начал Демидыч.

– Никаноровна, – поправила старушка.

– Лидия Никаноровна, а вы могли бы описать мне этих мужчин подробнее?

Старушка усмехнулась, обнажив при этом вполне еще крепкие на вид белые зубы, и махнула на Демидыча рукой:

– Что ты, милый. Я и с двух шагов-то человека толком не разгляжу. Да и очки у меня были надеты для близи, вот как сейчас, а не для дали. Хорошо еще, что этаж у меня второй, а так бы вообще ничего не разглядела. Помню только, что в черных куртках и в черных кепочках.

– Значит, узнать их при встрече вы не сможете?

– Откуда? Я и тебя-то через два дня не вспомню.

– А третьего?

– Так ведь и третьего тоже, – твердо ответила Лидия Никаноровна. – Вот если ты мне их через дворик рысцой пустишь, может, по походке и опознаю. Да и то вряд ли.

– Понятно. – Демидов поднялся со стула. – Ну что ж... Спасибо за информацию. Она мне очень поможет.

– Так ты не забудешь? – забеспокоилась старушка. – В блокнотик-то ничего не записывал. Али памятливей?

– Памятливый, – сказал Демидыч. – Запомню каждое ваше слово, Лидия Корнеевна.

Старушка прыснула, прикрыв рот морщинистой бледной ладошкой:

– Я вижу! Отчество мое и то как следует запомнить не можешь!

Демидыч смутился.

– Извините, Лидия Никаноровна. Это я оговорился.

– Смотри в статейке своей не оговорись. Скажи хоть, что за газета у тебя? Куплю да почитаю – вдруг ты все мои слова переврал.

– Точно еще не знаю, – ответил Демидыч, пожимая могучими плечами. – Я, Лидия Никаноровна, на разные издания работаю. За гонорары. Где возьмут, туда и отдам.

– А, ну-ну. В таком случае, нигде твою статейку не пропечатают. Если люди до сих пор не знают, что Лёну убили, значит, кто-то очень сильно хочет скрыть правду. А раз хочет, так и скроет. И ты ему не помеха.

Демидыч немного удивился столь здравому суждению. Старушка, несмотря на простоватый вид, явно была не простаха.

– А вот это мы еще посмотрим, – пробасил Демидыч и протянул старушке руку. – Вы самая наблюдательная и самая смелая женщина из всех жительниц этого дома.

– Ну прям уж, – махнула на Володю свободной рукой Лидия Никаноровна и польщенно захихикала.

Вечером все собрались в офисе агентства «Глория». Прежде всего, Володя Демидов сообщил коллегам о двух (а позже и трех) подозрительных типах, которых видела в окно Лидия Никаноровна. Рассказал также о негативных чувствах, которые старушка испытывает по отношению к карающим органам власти, а также о причине их возникновения.

– Как думаешь, не могла старушка напустить тумана из чувства противоречия властям? – поинтересовался Денис.

Демидыч покачал головой:

– Вряд ли. Старушка толковая. Вот только со зрительной памятью у нее слабовато.

Демидыч описал коллегам приметы «подозрительных типов». После чего слово взяли Филя и Сева Голованов. Они прокрутили собравшимся видеозапись своего «интервью» с Дубининым. При съемке Сева брал только крупные планы (даже очень крупные), поэтому зрелище получилось не для слабонервных. После того как запись закончилась, Алексей Петрович Кротов произнес:

– Ну что ж, господа, не нужно быть физиогномистом, чтобы понять, что у товарища Дубинина рыльце в пушку. Он явно что-то скрывает.

– Это точно, – пробасил со своего стула Демидыч. – Хорошо вы его прессанули, ребята.

– Испытание на детекторе лжи он бы не прошел, – подтвердил Макс. – Значит, и фонд, и эта «славянская партия» могут быть замешаны в гибели Канунниковой.

– Значит, так, – согласился с ним Денис Грязнов. Затем он сказал: – Мне удалось достать протокол осмотра места происшествия и заключение экспертов. Ну и еще несколько фотографий. Вот, взгляните. – Он передал бумаги и снимки оперативникам. – Мне кажется, что заключение экспертов было, мягко говоря, несколько поспешным. Слишком уж все чисто да гладко. Без сучка без задоринки. На моей практике таких чистых «самоубийств» я что-то не припомню. Обязательно были какие-то несоответствия, несообразности, которые потом – в ходе следствия – находили свое объяснение. А тут... – Денис пожал плечами. – Такое ощущение, что кто-то расписал «самоубийство» по нотам, а потом уничтожил все улики, которые могли бы свидетельствовать об обратном.

– Да, не подкопаешься, – кивнул Кротов, передавая заключение и протокол Севе Голованову. – Прямо как в плохом детективе. В жизни таких случаев – один на тысячу.

После того как все оперативники ознакомились с протоколом осмотра места происшествия и заключением экспертов, заседание было продолжено.

– А как насчет «Миллениума» и его руководителя – Отарова? – обратился к Кротову Денис Грязнов.

– Официально фонд «Миллениум» создан для защиты российских спортсменов, – начал Алексей Петрович.

– Для защиты от чего? – уточнил Филя.

Кротов вставил в рот сигарету и пожал плечами:

– От жизненных невзгод, я полагаю. – Он прикурил сигарету от изящной золотой зажигалки и продолжил рассказ: – Основатель фонда, Юрий Отаров, человек влиятельный и богатый. По некоторым данным, Отаров и его фонд активно (и конечно же нелегально) занимаются противозаконным бизнесом. Таким, как торговля наркотиками и оружием, оформление незаконных виз в разные страны и так далее. За руку его конечно же никто не ловил, однако есть все основания полагать, что все это правда. Несколько лет назад Отаров решил вложить деньги в политику, разумно рассудив, что, чем каждый раз ходить на поклон к депутатам, лучше иметь в парламенте своих представителей, которые будут лоббировать его интересы. Так была создана «Всероссийская славянская партия». Если верить фактам, то эта партия имеет самое непосредственное отношение к криминальным кругам Москвы. Ее лидеры, Леонид Курицын и Вячеслав Делицин, почти не скрывают своих связей с Отаровым. Канунникова не могла не знать об этом. Но все же она пошла на объединение.

– Она давно была на крючке у Отарова, – сказал программист Макс. – Мне удалось взломать базу данных «Миллениума». Скачать я почти ничего не успел, меня быстро вычислили и отрубили. Но мне удалось набрести на кое-какую статистику по «маленьким партиям», которые спонсирует фонд.

Среди этих партий есть и «Экологическая партия России». Насколько я понял, Канунникова брала деньги у фонда, начиная с середины этого года. Суммы фигурировали небольшие, но в совокупности, я думаю, получалась вполне внушительная цифра.

– Ты скачал эти данные? – спросил Денис.

Макс уныло покачал головой:

– Говорю же, не успел. Эти умники засекли меня почти мгновенно. У них там на страже такие церберы, каких и в Силиконовой долине не найдешь. Я вынужден был соскочить, чтобы они меня не вычислили.

Денис задумчиво потер подбородок.

– Значит, Канунникова пошла на связь с криминалом. Это сильно противоречило ее принципам.

Кротов выпустил изо рта тонкую струйку ароматного дыма и сказал:

– Я думаю, тут все было как обычно: либо на нее очень сильно надавили, либо она прельстилась деньгами, которые сулило ей и ее партии это объединение. А скорей всего, имели место обе причины. Мне кажется, имеет смысл поговорить об этом с господином Дубининым. Но, к сожалению, следствие по этому делу закончено, а нам с вами Дубинин, само собой, ничего не расскажет.

Денис Грязнов взъерошил ладонью рыжие волосы.

– Что ж, – раздумчиво сказал он, – в таком случае придется кое-кого потревожить.

Фраза эта была встречена дружным молчанием, однако каждый из находящихся в кабинете понял, что она означала.

– Да, пришло время вмешаться более серьезным силам, – произнес наконец Кротов, задумчиво пуская дым в потолок. – С другой стороны, наших заслуг это нисколько не умаляет, и деньги Канунниковой мы отработаем сполна.

Глава третья

Серьезные силы

1

Начальник одного из управлений главка уголовного розыска МВД России генерал-майор милиции Вячеслав Иванович Грязнов слушал племянника не перебивая. Рассказ Дениса занял минут двадцать.

– Ну вот, – заключил наконец Денис. – Это все, что мы раскопали.

Выражение лица Грязнова-старшего было весьма и весьма неопределенным. Он побарабанил костяшками пальцев по столу и сказал – без особого, впрочем, энтузиазма:

– Молодцы. – Затем усмехнулся и покачал головой. – Но какова старушка, а! Милиции она, значит, не доверяет, а вам доверилась. А потом жалуются, что милиция бездействует. Что за народ?

– Дядь Слав, ее можно понять, – заступился за Лидию Никаноровну Денис. – Вы же сами меня учили, что игнорировать человеческий фактор – самое гиблое дело.

– А игнорировать милицию – еще хуже, – сурово произнес Вячеслав Иванович. – И с Дубининым вы сработали грубо.

Надо ж такое придумать – «журналистское расследование». Да он через пять минут после вашего ухода выяснил, что никакие вы не журналисты, а сыскари, сующие нос куда не следует. Наверняка.

– Ну и что? – пожал плечами Денис.

– А то, что, если он в чем-то замешан, он теперь так плотно прижмется брюхом ко дну, что вы его никаким багром не сковырнете.

– Я бы сковырнул, если б у меня были полномочия, – обиженно ответил Денис.

Грязнов глянул на племянника суровым взглядом и проворчал:

– Полномочия ему нужны, ишь ты! Ладно, племяш, не дуйся. В любом случае молодец, что все это мне рассказал. Я сегодня же свяжусь с Меркуловым. Не скажу наверняка, но, мне кажется, он возобновит предварительное следствие, прекращенное Мосгорпрокуратурой.

– Было бы неплохо, – отозвался Денис.

– Само собой, если дело закрутится, твоим ребятам придется побеседовать со следователем, рассказать, как и что.

Денис усмехнулся:

– Не проблема, дядь Слав. Мои разбойники будут честны, как на исповеди.

Денек выдался солнечный. Извечную московскую слякоть припорошило белым снежком, и вид из окна кухни откры-

вался изумительный. Александр Борисович Турецкий подошел к окну с дымящейся сигаретой в пальцах и открыл створку. В лицо ему пахнуло морозной свежестью.

Настроение у помощника генерального прокурора было превосходное. Группа, которой он руководил, только что закончила расследование чрезвычайно запутанного и муторного дела, и со следующего дня Александр Борисович готовился уйти в заслуженный отпуск. Жена Ирина купила две путевки в Отрадное. Она давно уже мечтала провести с мужем недельку в подмосковном доме отдыха, и вот теперь ее мечте суждено было осуществиться.

Турецкий представил себе прелести загородной жизни – лыжные походы, шашлыки с водочкой на морозце, бассейн, баню, бильярд – и сладко зажмурился, предвкушая грядущее удовольствие.

И в этот самый момент в прихожей зазвонил телефон.

«Важняк» посмотрел на телефон и нахмурился. Звонок как звонок, но Турецкий, обладавший, по меткому выражению Дениса Грязнова, «феноменальным чутьем на разные гадости» (так Денис называл интуицию), мгновенно понял, что ничем хорошим для него этот звонок не закончится.

Трубку Турецкий снял с тяжелым сердцем:

– Слушаю.

– Саня, здравствуй, – раздался из трубки бодрый голос Меркулова.

– Так я и знал, – упавшим голосом произнес Турецкий. –

Сейчас ты скажешь, что я нужен тебе до зарезу и мой отпуск откладывается.

– Ну-у, – протянул Меркулов. – Не будь таким пессимистом, Турецкий.

– Значит, не откладывается?

– М-м... Да, вообще-то да. Есть одно срочное дельце. Наш генеральный только что попросил меня взять переговоры с тобой, – Меркулов хмыкнул, – на себя. Похоже, что он уже не может приказывать своему помощнику. А мне, видишь ли, такую честь предоставил!

– Черт, – мрачно произнес Александр Борисович. – Костя, но ты ведь знаешь, Ирина уже купила путевки. Да она же меня просто убьет.

– Ничего. Она убьет, а я – реанимирую. Давай, Саня, собирайся. Жду тебя в своем кабинете. Выезжай прямо сейчас.

Меркулов изложил Турецкому суть дела – подробно и сухо. Александр Борисович сидел на стуле в кабинете начальника с кислым лицом, рассеянно уставившись в чашку с кофе, которую он вяло вертел на блюде.

– Пойми, Сань, дело важное, – увещевал его Меркулов. – Если в прессу просочится информация о том, что Канунникову могли убить, президент возьмет это дело под свой личный контроль. А информация просочится! Ты ведь знаешь, как ретиво работают наши борзописцы. – Меркулов вздохнул. – И откуда они только информацию получают.

– А то ты не знаешь, – пробурчал Турецкий.

Он оставил наконец чашку с нетронутым кофе в покое, поднял глаза на Меркулова и сказал с плохо скрываемым раздражением:

– Константин Дмитриевич, ты мог бы поручить это дело кому-нибудь другому.

– У тебя больше всего опыта по части раскрытия политических убийств, – спокойно возразил Меркулов. – Да и в президентской администрации требуют, чтобы расследованием занялся ты. Ты у них после того дела с «Университетским проспектом» в большом фаворе! Они даже считают, что ты у нас «лучший кадр». И еще одна, поверь, немаловажная деталь: не забывай об уровне расследования. Люди, с которыми

тебе придется встречаться, должны это чувствовать. Значит, временно снова становись «важняком», оставаясь при этом одним из руководителей Генеральной прокуратуры. Под моим непосредственным руководством.

Лесть не подействовала на Турецкого. Александр Борисович был хмур и неразговорчив. В конце концов Меркулов тоже помрачнел.

– Слушай, Турецкий, – уже гораздо суше заговорил он, – я все понимаю, но пойми и ты. Твой отпуск на фоне этого громкого дела просто неуместен.

– Он, помнится, и летом был неуместен, – с мрачно иронией напомнил Александр Борисович. – Тебя послушать, так все, что происходит за этими стенами, – неуместно.

– Не утрируй.

– А я и не утрирую! Я говорю то, что есть.

– Сань, ты не понимаешь...

– Да понимаю я все, чай, не дурак. Ездите вы на мне, как на том ослике. Вот погоди – уволюсь из Генпрокуратуры к чертовой матери и пойду к Денису частным детективом. И временем своим распоряжаться буду сам, и в зарплате вряд ли проиграю.

Меркулов было нахмурился, но через мгновение сделал над собой усилие и произнес мягко, почти по-отечески:

– Ну-ну, Турецкий, не глупи. А то еще осерчаю и подмахну заявление. Потом оба будем жалеть и каяться. И давай уже покончим с этой лирикой. Позвони Ирине и скажи ей,

что отпуск откладывается. Но не забудь добавить, что в случае успеха ты получишь нешуточную премию.

– Да ну? – усмехнулся Александр Борисович. – И какую же?

– Обещаю, что выбью для тебя бесплатную путевку на двоих в какую-нибудь теплую страну. Поближе к морю. Устраивает?

Турецкий еще немного поворчал, но, поскольку возражать было бесполезно, в конце концов сдался.

– Вот и отлично, – одобрительно прогудел Меркулов. – Считай, что с этой минуты ты возобновляешь предварительное следствие по делу о гибели Канунниковой и Каматозова. – Константин Дмитриевич пододвинул к Турецкому папку. – Это заberi себе. Почитаешь на досуге. Здесь все, что относится к этому делу. Можешь начинать.

– Спасибо, – нарочито елейным голосом поблагодарил Турецкий и добавил, криво усмехнувшись: – Благодетель ты мой. Куда бы я без тебя делся.

У себя в кабинете Турецкий внимательно просмотрел дело, вчитываясь в протоколы и разглядывая приложенные фотографии. Прошелся с мелкой гребенкой по заключению экспертов. Работа заняла у него около часа. Время от времени он закуривал сигарету и, потирая пальцем высокий лоб, размышлял над прочитанным. Наконец закрыл папку, задумчиво глянул в окно на льнувшие к стеклу снежинки – на-

чался снегопад – и произнес загадочную фразу:

– Действительно, слишком чисто. Боюсь, не обошлось без уборщика.

Затем взгляд Турецкого упал на телефон. Он вспомнил, что до сих пор не позвонил жене. Она сейчас как раз должна быть на работе. Последний день перед отпуском. Н-да...

Услышав в трубке голос Ирины, Турецкий бодро сказал:

– Привет, моя радость! Ты будешь смеяться, но отпуск нам придется отложить.

– Отложить? – не веря своим ушам, переспросила Ирина.

– Угу. Но ты не волнуйся. Дело плевое. Раскручу за неделю. К тому же Меркулов пообещал нам с тобой презент – бесплатные путевки в Египет. Тебе ведь понравилось в Египте?

В трубке повисла пауза. После чего Ирина спросила глухим, рокоchущим голосом.

– Это шутка?

– Э-э... Насчет путевки?

Ирина хмыкнула:

– Турецкий, не прикидывайся дураком. Это тебе не поможет.

– Правда? Ну что ж, делать нечего, перехожу на серьезный тон. Душа моя, ты ведь знаешь, что я себе не хозяин. Будь моя воля, послал бы я все эти дела к едрене фене, взял тебя под мышку и полетел бы на край света. Туда, где нет ни телефонов, ни факсов и где нас с тобой никто бы не достал.

– Хорошая идея, – хмуро заметила Ирина.

Турецкий вздохнул:

– Но неосуществимая. По крайней мере, пока. Душа моя, обещаю тебе, клянусь могилами всех своих предков, что, как только расквитаюсь с этим делом, тут же...

– Ну хватит, – оборвала его жена. – Я до последнего надеялась, что ты шутишь. Но теперь вижу, что нет. Так вот, слушай. С завтрашнего дня я сама ухожу в отпуск и еду в Отрадное. С тобой или без тебя. Ты можешь работать без отпусков и без выходных, но я не железная.

– Радость моя, поступай как хочешь. Я не буду тебя останавливать.

– Вот и хорошо, – едко ответила Ирина. – Только если я подыщу себе в доме отдыха достойного кавалера, в этом будешь виноват только ты. Запомни это, Турецкий. Намотай себе на корочку, чтобы потом не говорил, что я тебя не предупреждала. Чао!

Жена дала отбой. Турецкий некоторое время держал трубку в руке, словно не зная, что с ней делать, потом брякнул ее на рычаг и потянулся за сигаретами. Настроение было окончательно испорчено.

Для начала Александр Борисович встретился со следователем Мосгорпрокуратуры, который вел это дело. Андрей Петрович Горшков был нерешителен и робок. Тот факт, что Генеральная прокуратура не одобрила его работу, Андрея Петровича изрядно напугал. Что и говорить, парень был неопытен и зелен. Турецкий попытался быть приветливым.

– Андрей Петрович, я пришел сюда не упрекать вас. Работу свою вы сделали нормально. А на то, что следствие решено возобновить, есть свои причины. Нашелся свидетель, который утверждает, что видел возле подъезда, где жила Канунникова, подозрительных людей. Ну и еще пара-тройка незначительных на первый взгляд фактов. Так что давайте мы с вами выпьем по чашечке кофе и обо всем обстоятельно поговорим. Есть у вас тут кофе?

– Да! – энергично кивнул Горшков. – А как же!

Он сорвался с места и бросился к чайнику. Вскоре кофе был готов.

Турецкий спокойно и неторопливо задавал Горшкову вопросы, попивая кофе и разглядывая лицо молодого следователя. Горшков отвечал на вопросы с энтузиазмом виноватого. Видно было, что он ужасно стыдится своего просчета.

– К сорока двум годам Елена Канунникова достигла вершины своей политической карьеры. Ее партия перешагнула

пятипроцентный рубеж и вошла в Думу. Но четыре года спустя, как вы уже знаете, ей не удалось повторить эту победу.

Далее Горшков поведал Турецкому об объединении «Экологической партии России» и «Всероссийской славянской партии» в один блок. Затем нарисовал ему психологический портрет Дубинина – таким, естественно, каким он ему виделся. («Карьерист, однако моральные принципы имеются. Но не из-за внутренней душевной потребности, а, скорей всего, из-за трусости, из-за нежелания прослыть среди людей полной сволочью. Вряд ли он замешан в этом деле. Не тот тип».) Затем рассказал о своей встрече с Юдиным и с еще несколькими членами партии.

– Неужели ни у кого из них не было сомнений по поводу самоубийства Канунниковой? – спросил Турецкий.

Горшков стушевался.

– Вообще-то были... – промямлил он. – У ее бывшего помощника, Глеба Гаврилова. Несколько месяцев назад Елена Сергеевна прогнала Гаврилова за пьянство, а вместо него взяла Юдина. Честно говоря, я не стал обращать особого внимания на его слова.

– А где он теперь, этот Гаврилов?

– Подвязался работать райтером в одном консалтинговом агентстве. Участвует в избирательных кампаниях. Так, ничего особенного, мелкая сошка.

– Эх вы его припечатали! – усмехнулся Александр Борисович. – «Сошка», да еще и «мелкая». И что же он вам рас-

сказал?

Горшков стушевался.

– Да я уже толком и не помню. Что-то насчет того, что Канунникова никогда бы не сдалась. Что ее за это и убили. И еще – что она была слишком принципиальной и могла вывести кое-кого на чистую воду. В общем, стандартный набор возражений, знакомый любому газетчику.

– Думаете, парень врал?

– Ну не наврал, так наплел невесть что. Я забыл вам сказать, этот парень при встрече был под мухой. – Горшков усмехнулся. – Похоже, это у них профессиональное. Когда я встречался с Юдиным, тот тоже топил свое горе в водке.

– Так-так, – сказал Турецкий. – Знаете что, дайте-ка мне телефон и адрес этого Глеба Гаврилова. Возможно, мне удастся застать его в трезвом виде, и он расскажет мне то, что не смог рассказать вам.

Горшков обиженно поджал губы и дернул плечом:

– Пожалуйста. Надеюсь, вы что-нибудь раскопаете.

Через десять минут, узнав все, что хотел, Александр Борисович распрощался с Горшковым, посоветовав молодому следователю «в следующий раз быть внимательней», и покинул его кабинет.

Так получилось, что встреча Турецкого с «карьеристом» Дубининым произошла раньше, чем с «пьяницей в отставке» Глебом Гавриловым. Председатель правления «Эколо-

гической партии России» Эдуард Васильевич Дубинин принял Александра Борисовича у себя в кабинете. Он вел себя ровно и настороженно, лишнего старался не болтать, на поставленные вопросы отвечал скупой, стараясь отделяться общими фразами. Но когда Турецкий ненавязчиво подвел его к обсуждению характера покойной Канунниковой, в Дубинине вновь проснулась сентиментальность, а вместе с ней и болтливость.

– Видите ли, Александр Борисович, причин для самоубийства у пары идеалистов, не желающих принимать сегодняшний мир таким, каков он есть, было более чем достаточно.

– Вот как? – усомнился Турецкий. – А в деле фигурирует всего одна – проигрыш «Экологической партии» на выборах.

Дубинин чуть прищурился:

– Похоже, эта причина не кажется вам достаточной для сведения счетов с жизнью?

– Абсолютно, – ответил Турецкий. – Абсолютно не кажется. Я, конечно, не политик, но ведь проигрыш на выборах – это не конец света. В конце концов, будут и еще выборы. Вы сами говорили, что Елена Сергеевна была бойцом. Она проиграла битву, но не войну.

Дубинин задумался.

– Да, скорее всего, вы правы. Но помимо того, что Канунникова была бойцом, она была и очень нервным человеком. Знаете, аффекты...

Александр Борисович поморщился:

– Давайте не будем про аффекты. Вы сказали, что причин у Канунниковой и ее мужа было предостаточно. Перечислите мне их.

– Ну... – Дубинин пожал плечами. – Вы слишком жестко ставите вопрос.

– И требую такого же жесткого ответа, – строго сказал Александр Борисович.

Дубинин некоторое время изучающе вглядывался в лицо Турецкого, словно пытался проникнуть в его мысли, но, встретившись с прямым взглядом «важняка», поспешно отвел глаза.

– Что ж, ладно, раз так, – покорно сказал он. – Елена не могла вписаться в рамки собственной партии. Бывшие соратники, превращаясь в видные фигуры российской элиты, все дальше отходили от прежних идеалов.

– Это относится и к вам лично?

– Если хотите, то да. Елене Сергеевне не очень нравилось, что нам приходится объединяться в единый блок со «Все-российской славянской партией». Но вопрос стоял жестко: или – или. Или мы проигрываем, или объединяемся.

– Но ведь вы все равно проиграли, – напомнил Турецкий. Дубинин вздохнул:

– Да. К сожалению, объединение не принесло должных результатов. Но поверьте мне, если б мы пошли на выборы самостоятельно, мы бы потерпели еще более сокрушитель-

ное фиаско. Объединенный блок набрал четыре процента, не хватило всего одного. А так мы едва набрали бы полтора. О нас бы вообще забыли как о серьезной политической силе. А так – мы проиграли с честью, президент обещал задействовать наши кадровые ресурсы. Мы остались серьезной силой, понимаете?

Но Турецкий, похоже, не понимал.

– Почему Канунникова не одобряла объединение со «славянской партией»? – спросил Турецкий все тем же жестким и холодноватым голосом.

– Как вам сказать... – Дубинин задумчиво провел ладонью по волосам. – Возможно, все дело было в ее амбициях. Как сказали бы коммунисты, она не хотела делиться властью. К тому же она считала, что из-за этого объединения наиболее принципиальные сторонники нашей партии отвернутся от нас.

– Что и произошло, – констатировал Турецкий.

Дубинин усмехнулся и покачал головой:

– Ошибаетесь. Как раз-таки наши принципиальные сторонники остались с нами. Это благодаря им мы набрали голоса и не проиграли с позором. Лена не хотела этого понять. И принять. – Дубинин вздохнул. – Вы знаете, Александр Борисович, несколько месяцев назад, как раз после объединения, Канунникова сказала мне следующее – это было в запальчивости, но однако ж... В общем, она сказала: «Эдик, если мы проиграем выборы, я этого не перенесу. Я покон-

чу жизнь самоубийством». Это слышали многие, Александр Борисович. И, я думаю, они смогут это подтвердить. Видите ли, господин следователь, идеалистам трудно живется на этом свете. А порой и вовсе не живется.

– Тут мне нечем возразить, – отозвался Турецкий.

Дубинин неопределенно покивал головой и вдруг сказал:

– Не очень-то я вам нравлюсь, а, Александр Борисович?

Турецкий усмехнулся:

– Скажу даже больше: вы мне совсем не нравитесь.

– Отчего же так? – поднял черные брови Дубинин.

– У вас лицо человека, который себе на уме.

– Но ведь я политик, – напомнил Дубинин.

Александр Борисович стряхнул с сигареты пепел и сказал:

– Видимо, вы *плохой* политик. Ведь выборы вы проиграли.

– Спасибо за напоминание, – с горькой иронией поблагодарил Дубинин.

– Пожалуйста, – спокойно сказал Турецкий. – Где сейчас находится помощник Канунниковой – Юдин?

Дубинин пожал плечами:

– Понятия не имею. Он несколько дней выполнял обязанности моего личного секретаря. Но потом уволился. Сказал, что нашел другую работу.

– Что за работа? – спросил Турецкий.

– Я не спрашивал, а он не сказал.

– Надеюсь, у вас есть его телефон?

– Конечно... Записывайте.

Дубинин продиктовал телефоны Владимира Юдина, Турецкий записал их в блокнот.

– Только у меня к вам просьба, – мягко сказал Дубинин. – Володя Юдин очень чувствительный молодой человек. Он тяжело пережил смерть Елены Сергеевны. Так что вы уж будьте с ним чуточку помягче, хорошо?

– Постараюсь, – пообещал Турецкий. Затем он пристально посмотрел на Дубинина и спросил: – Эдуард Васильевич, что вас связывает с Юрием Отаровым?

– С Отаровым? – поднял брови Дубинин. – А кто это?

– Юрий Георгиевич Отаров, руководитель фонда «Миллениум». Он же – «крестный отец» «Всероссийской славянской партии», с которой вы объединились в один блок.

Дубинин слегка побледнел, или Турецкому так показалось. Тем не менее голос у Эдуарда Васильевича, когда он заговорил, чуть-чуть дрогнул.

– Александр Борисович, я не следователь, я – политик. Если человек не сидит в тюрьме, значит, его вина не доказана. А раз его вина не доказана, значит, он такой же гражданин своей страны, как и любой другой.

– А я разве сказал, что он преступник? – невинно спросил Турецкий.

– А разве вы не это имели в виду? Недаром же вы спросили меня об Отарове. Да, я знаю этого человека. Но лично никогда с ним не контактировал. Я знаю, что он оказывает помощь «Всероссийской славянской партии» – ну так и что

с того? Любкой бизнесмен волен распоряжаться своими деньгами так, как ему заблагорассудится. Почему, собственно, я должен напрягаться по этому поводу?

Турецкий улыбнулся:

– А разве я сказал, что вы должны напрягаться? По-моему, я просто спросил, знаете вы Отарова или нет. А вы сразу разволновались. Не к добру это, Эдуард Васильевич, ой не к добру.

– Перестаньте ловить меня на слове! – нервно проговорил Дубинин. – И вообще, я больше не желаю с вами разговаривать! Я сообщил вам все, что знаю. Если хотите меня допрашивать – вызывайте в свою чертову контору. А с вашим Отаровым я никогда не имел ничего общего. И не собираюсь иметь, ясно вам? И не смейте... слышите, не смейте ставить меня в один ряд с людьми, подобными Отарову!

Дубинин оборвал свой яростный монолог и приложил левую ладонь к груди. Лицо его исказилось от боли.

– Вам плохо? – встревожился Турецкий.

– Не ваше дело, – сипло и злобно ответил Дубинин. Правой рукой он вынул из кармана флакон с таблетками, вытряхнул из него одну таблетку и запихал ее в рот. Потом посмотрел на Турецкого.

– Уходите, – тихо сказал он. – Уходите, если не хотите довести меня до инфаркта.

– Простите, – сказал Александр Борисович, встал со стула и вышел из кабинета.

В машине он попытался вызвонить «чувствительного молодого человека» Юдина. Домашний телефон Юдина не отвечал, а мобильный был заблокирован.

Вопреки ожиданиям Турецкого, бывший помощник Канунниковой Глеб Гаврилов оказался приятным в общении молодым человеком вполне интеллигентного вида. Он был светловолос, голубоглаз, улыбчив и еще – абсолютно трезв.

Встречу он назначил в маленьком кафе на Покровке, неподалеку от офиса, где работал. Заказал себе стакан свежавыжатого яблочного сока. Турецкий соком не прельстился и предпочел свежавыжатым яблокам чашку черного кофе.

– Я слышал, что Канунникова уволила вас за пьянство, это так? – без обиняков спросил Турецкий.

Глеб кивнул:

– Увы, это правда. Но с тех пор многое изменилось. Я стал другим. Хотя работа у меня сейчас гораздо подлее, чем когда я был при Елене Сергеевне.

– Подлее?

– Ну да. Помогаю всяким придуркам прийти к власти. Сочиняю для них листовки, буклеты и прочую дрянь.

– А Канунниковой вы на прошедших выборах не помогали?

Гаврилов покачал головой:

– Нет. Я бы и рад был, но... Елена Сергеевна была слишком принципиальной. Она считала, что я нанес большой ущерб партии, когда пришел на пресс-конференцию подшо-

фе. С тех пор мы не общались.

– Я вижу, вы не держите на нее особого зла.

Гаврилов махнул рукой:

– Да какое там зло. Она тогда правильно поступила. Жаль только, что не захотела меня простить, когда я «ступил на путь истинный». Она не верила, что люди могут меняться. Если о ком-то составляла мнение, то уж навсегда. Если она решала, что человек – палач, то не изменила бы своему мнению, даже если бы этого человека наградили звездой героя.

– Тяжело, наверно, было работать с таким человеком?

Гаврилов пожал плечами:

– Если она вам доверяла, то нет. А вокруг нее в основном были люди, которым она доверяла. Взять хотя бы ее мужа. Арсений Андреевич был настоящим героем. Прошел две войны, дослужился до звания полковника и – ушел в политику. Даже не в политику, нет. Он ушел к Елене Сергеевне. Стал ее верным рыцарем, я бы даже сказал – псом. Несмотря на преклонный возраст, он охранял ее лучше, чем целая дюжина телохранителей.

– Это не помешало ему выстрелить ей в голову, – тихо сказал Турецкий.

Глеб вяло махнул рукой:

– А, бросьте вы это! Неужели вы и в самом деле думаете, что Канунникова ушла из жизни по собственной воле?

– Председатель правления партии Дубинин утверждает, что она сама ему об этом говорила, – сказал Турецкий. – За

несколько месяцев до проигрыша.

– А, вы об этом. – Гаврилов отхлебнул сок и кивнул: – Ну да, я помню, был такой разговор. Но ведь это было сказано сгоряча, в запальчивости. Они тогда здорово повздорили с Дубининым.

– Повздорили? – насторожился Турецкий.

– Угу. А он вам разве об этом не рассказывал?

Александр Борисович покачал головой:

– Нет. Расскажите вы.

– Тогда в правлении партии шли дискуссии по поводу объединения со «славянской партией». Елена Сергеевна была настроена решительно против. А Дубинин как раз очень даже за.

– Почему Канунникова выступала против этого объединения?

– Она была уверена, что лидеры «славянской партии» – все сплошь жулики и бандиты. Говоря казенным языком – выходцы из преступной среды. Но у них было много денег. А в средствах партия нуждалась очень остро. Поэтому Дубинин и настаивал на объединении. Мы им – благообразный имидж, они нам – часть своей казны. Баш на баш.

– Прямая выгода для «Экологической партии», – заметил Турецкий.

– Елена Сергеевна считала, что нет.

– Почему?

Гаврилов нахмурился:

– Как бы это получше объяснить?.. Понимаете, Елена Сергеевна душой чувствовала, что этих людей нельзя принимать в нашу партию. Она была уверена, что они не столько помогут экологам, сколько навредят им. Это в итоге и произошло. Дубинин практически увел партию из-под контроля Канунниковой. И партии больше не стало.

– Было от чего застрелиться, – задумчиво заметил Турецкий.

Глаза Гаврилова яростно блеснули.

– Глупости, – резко сказал он. – Елене было всего сорок шесть. Она была моложавой, энергичной женщиной. Ведь Хакамада и Явлинский не застрелились из-за того, что не прошли в Думу. Она нисколько не уступала им по силе характера. А во многом даже была крепче их. Кстати, ее звали и в «СПС», и в «Яблоко». Я думаю, Елена Сергеевна могла бы стать лидером объединенной партии демократов.

Глеб говорил с энтузиазмом. Ясно было, что он не раз прокручивал в голове все эти «возможные варианты».

– А может, и по-другому, – продолжил Гаврилов. – Может, она основала бы новую партию, еще более правую. У Елены Сергеевны хватило бы на это сил и энергии. Организовала бы и, вопреки всем ожиданиям, торжественно ввела бы ее в Госдуму. Так, как это было на позапрошлых выборах. – Тут Гаврилов осекся и уныло закончил: – Но этого уже никогда не будет.

Он взял стакан и залпом допил сок. Турецкий посмотрел

на него раздумчивым взглядом и сказал:

– Допустим. Допустим, вы правы, и Канунниковой помогло уйти из жизни. Кто, по-вашему, мог это сделать?

– А вот этого я уже не знаю, – спокойно ответил Глеб. – На вашем месте я бы пошерстил «славянскую партию». Да поинтересовался бы спонсорскими поступлениями. А вообще – не знаю, не знаю.

Глеб посмотрел на часы:

– Мне пора, Александр Борисович. Работа ждет. Рад был с вами познакомиться. Честно скажу, вы производите более благоприятное впечатление, чем ваш предшественник. Этот, как его... Горшков. Надеюсь, вы найдете убийц Елены Сергеевны.

Турецкий допил остывший кофе и сказал:

– Постараюсь. Если, конечно, ее и в самом деле убили.

Гаврилов глянул на Турецкого своими голубыми, не замутированными алкоголем глазами и прищурился:

– Убили, Александр Борисович. Как пить дать убили. У многих бывших алкоголиков очень развита интуиция. Моя интуиция подсказывает мне, что ее убили.

– Если бы ваша интуиция рассказала вам о том, кто ее убил, ей бы цены не было, – сказал Турецкий.

Гаврилов улыбнулся:

– Это верно. Но чего нет, того нет. Если моя интуиция захочет со мной об этом поговорить, я вам первому об этом сообщу.

– Договорились, – кивнул Турецкий.

На том они и распрощались.

На улице было сумеречно и тепло, к тому же утихла метель. Зажглись фонари. Александр Борисович вставил в рот сигарету и закурил. Он любил это синее время суток. Город начал раскрашиваться в предновогодние цвета, деревья в центре Москвы оделись в гирлянды разноцветных лампочек, с каждой витрины Турецкому улыбался Дед Мороз.

«Скоро Новый год», – подумал Александр Борисович и улыбнулся этой приятной и в чем-то обнадеживающей мысли.

В этот вечер он встретился еще с двумя партийными коллегами Елены Сергеевны Канунниковой. Один из них был немногословен, он сказал лишь, что «в этой истории трудно разобраться» и что, по его мнению, «Лена ушла из жизни добровольно, и не стоит ворошить ее могилу». Второй долго приглядывался к Турецкому и уже перед самым расставанием вдруг сказал:

– Если вы хотите знать мое мнение, то Лену вполне могли убить.

– За что? – прямо спросил Турецкий.

– Вы ведь наверняка уже знаете, что «Всероссийская славянская партия» существует на деньги Отарова. А о нем ходят всякие слухи.

– Елена Сергеевна верила в эти слухи?

Тот кивнул:

– Да. Лена верила в слухи и не верила Юрию Отарову. Она предупреждала Дубинина о том, что объединение со «славянской партией» не принесет нам добра. Она доказывала ему, что объединение приведет к нашему проигрышу на выборах. Мы ведь испортили свою репутацию, и избиратели перестали нам верить. Но Дубинин упирал на то, что для выборов в Думу нужны деньги. Большие деньги, миллионы долларов. У Отарова эти деньги были. В тот раз Дубинину все-таки удалось уговорить Канунникову. Она скрепя сердце согласилась на объединение, но потом не раз об этом жалела. Однажды она как-то обронила, что когда-нибудь выведет Отарова и его банду на чистую воду. Не знаю, собиралась ли она привести свою угрозу в исполнение, но если собиралась... – Тут собеседник Турецкого криво ухмыльнулся. – Кому-то это могло очень и очень не понравиться. Больше я ничего не могу вам сказать.

«Что ж, – подумал Турецкий. – Возможно, больше и не надо».

Он твердо решил заняться господином Отаровым и его «бандой» всерьез.

Ирина Генриховна Турецкая сдержала свое обещание и уехала в дом отдыха. С мужем она попрощалась сухо и холодно. А когда Александр Борисович заикнулся о том, что приедет к ней, как только освободится, она иронично прищурилась и произнесла голосом, полным яда:

– Можешь не торопиться, дорогой. Вполне возможно, что к тому времени твое место уже перестанет быть вакантным.

– Не перегибай, – с напускной строгостью ответил на это Турецкий. – Имей в виду, у меня есть табельное оружие. И я готов пустить его в ход.

– Ой, какие мы страшные! – смешливо сказала Ирина, секунду помешкала и все-таки поцеловала Турецкого в нос.

Это было единственное проявление нежности, какое она позволила себе при прощании.

Сразу после отъезда жены Турецкий позвонил Грязнову в главк МВД.

– Слава, привет, это Турецкий.

– Здорово, Саня! Чего не звонишь, не заходишь?

– А ты не догадываешься? Дел по горло. Только-только скинул одно дело, собрался махнуть в дом отдыха с Иркой, да куда там. Вы ведь с Меркуловым меня без работы не оставите.

– Это верно, – согласился Грязнов. – Но только не смот-

ри на меня волком. Между прочим, в твоём возрасте отдых вообще вреден.

– Да ну? И почему?

– А можно быстро заплесневеть. Когда дело движется к полтиннику, нужно постоянно поддерживать себя в форме. Вот как я. Знаешь, сколько я уже не был в отпуске?

– Это твоё личное горе.

– Два года!

Турецкий усмехнулся:

– А может, ты просто мазохист?

– Сам ты мазохист. А я просто не даю себе расслабиться. В твоём возрасте, Саня...

– Вот заладил: возраст, возраст. Да какой у меня возраст?

– Преклонный, Саня, преклонный. Все, что за сорок пять, считается преклонным возрастом.

– Смотря у кого, – логично возразил Турецкий. – У тебя вон голова почти вся уже плешивая, а ты на мою гриву посмотри.

– Гм... – досадливо отозвался Грязнов. – Тут ты прав. Ладно, закончим этот обмен любезностями. Ты ведь наверняка по делу звонишь?

– По нему. Слышал что-нибудь о Юрии Отарове?

– Обижаешь. Такие люди всегда на слуху. Он что, замешан в твоём деле?

– Да есть у меня кое-какие соображения на его счет... Но без твоей помощи мне не обойтись.

– Юрий Отаров – крепкий орешек, – задумчиво сказал Грязнов. – Этот всегда выходит сухим из воды.

– Нужно прощупать его окружение. У тебя ведь большая агентурная сеть. Пускай покопают, пороют. Меня интересует все, даже самые дикие слухи. Если будет подтвержденная информация – еще лучше.

– Хочешь его прижать?

– Да было бы неплохо. Сдается мне, из этого дела торчат уши его ребят. Канунникова обещала вывести Отарова на чистую воду. Судя по тому, с какой бешеной энергией она бралась за каждое новое дело, она и впрямь могла сильно попортить ему жизнь.

– Н-да, эта могла. Но не думаю, чтобы он пошел на убийство. Ведь у таких, как Отаров, тысячи способов убедить человека. Убийство – самый крайний. Тем более убийство известного человека.

– И все-таки пошерсти, – сказал Турецкий.

– Ладно, Саня, сделаю. Кстати, я слышал, твоя жена уехала в дом отдыха?

– А ты откуда знаешь?

Грязнов хохотнул:

– Ты ведь сам сказал, что у меня богатая агентура! Нинку опять отправили к бабушке?

Турецкий вздохнул:

– Отправили. У них в школе карантин, плавно переходящий в каникулы.

– Бывает. И что думаешь делать на выходные?

– Как тебе сказать?.. Выпью чашечку кофе, почитаю газетку, телевизор посмотрю...

– Фу, какую унылую перспективу ты обрисовал. Так и быть, придется приехать к тебе в гости, а то ведь совсем помрешь от скуки. Ты какой сейчас предпочитаешь – армянский или азербайджанский?

– А какой крепче?

– Одинаково.

Турецкий улыбнулся:

– Тогда тащи обоих.

– Заметано. Заодно расскажу тебе новости. Если, конечно, они к тому времени будут. До субботы!

– Бывай.

Как всегда, разговор со старым другом поднял Турецкому настроение и вселил в него уверенность. До субботы оставалось еще два дня. Парни в главке у Грязнова работают что надо, возможно, им и впрямь удастся что-нибудь наскрести.

Глава четвертая

«Агентура» начинает работать

1

Вячеслав Штырев по кличке Штырь сидел напротив капитана Баркова и лениво ковырял спичкой в зубах. Это был сухой и длинный, как дерево, человек с костлявым лицом и редкими седоватыми волосами, зачесанными назад. Капитан Барков, напротив, был низкорослым, широкоплечим толстяком. Несмотря на располагающую к добродушию комплекцию, лицо капитана было жестким, а взгляд – неприязненным.

Сидели они в дешевой пивнушке на вокзале. «Сюда моя клиентура не заходит», – объяснил выбор места встречи Штырь. Людей здесь почти не было, кроме двух-трех пассажиров, поедающих сосиски и бутерброды перед тем, как сесть в поезд и отправиться в дальний путь.

– Послушай, Штырь, мы ведь не первый год знакомы, – сказал капитан Барков. – Я тебя когда-нибудь кидал?

Штырь покачал головой:

– Нет. Но всегда бывает первый раз. Вы ведь знаете, капитан, я давно отошел от дел. За мной теперь никто не стоит.

А когда за человеком никто не стоит, пришить его – это как сигарету прикурить.

Барков нетерпеливо дернул щекой:

– Брось нагнетать, никто тебя не пришьет. Все, что ты мне скажешь, останется между нами.

– И все равно это риск, – гнул свое Штырь. – То, что я с вами встретился, – это уже огромный риск. – Он лукаво глянул на Баркова и добавил: – Кстати, капитан, во всем мире люди, делающие рискованную работу, получают хорошие деньги.

– Если информация будет стоящей, ты их получишь, – холодно сказал Барков.

Штырь вздохнул:

– Не цените вы свои кадры, ох не цените. Ладно, надеюсь, не обманете. Юрий Отаров – человек серьезный. Одно время водил дружбу с вором в законе Зданевичем. Они вместе держали несколько казино в Москве, но потом чего-то не поделили и разбежались. Отаров подался в политику и теперь водит дружбу с другими людьми.

– Чем он занимается сейчас?

Штырь пожал тощими, как у летучей мыши, плечами:

– Да всем, что приносит деньги. Скупает оружие у военных и перепродает его террористам. Клиентура у него по всему миру – начиная от Чечни и кончая Англией. Есть у него свой интерес и на казахской границе. Травка там, то-се. В общем, крутится везде, где можно срубить башли. Органи-

зация у него жесткая. Все поделено на секторы. Есть писари, которые сидят в офисах – делают фальшивые документы и печати. Есть мужики – эти занимаются черной работой. Курьеры, дилеры и тому подобное. А есть боевики – эти у него в охране. Если нужно кого-то пошугать, погрометь стволами, он их посылает.

– А если нужно кого-то убрать? – спросил Барков.

Штырь тонко улыбнулся:

– На этот случай у него имеются другие люди. Что-то вроде команды ликвидаторов. Эти ребятки действуют тихо и бесшумно. И на публике не светятся.

Барков прищурился:

– Большая команда-то?

– Несколько человек, – ответил Штырь. – Сколько точно – не знаю.

– Это верная информация или только твои предположения?

Штырь неопределенно хмыкнул:

– И то, и другое, капитан. Земля-то – она слухами полнится. А какие из этих слухов правдивые – это уж сами решайте. Вам пива еще принести?

– Давай, – кивнул Барков.

Штырь сходил к буфетной стойке и принес еще две бутылки пива. Открыл их большим пальцем и пододвинул одну к Баркову.

Барков отхлебнул пива и спросил:

– Откуда знаешь про команду киллеров?

– Да пацаны шепчутся. Я когда-то расписывал с Отаровым пульку в одном катране. Шпилить в стире он любит, но покер не переваривает. Считает его игрой грачей и чалдонов.

– Кого? – не понял Барков.

– Ну этих... лохов и шулеров. – Штырь нахмурился. – Помню, в той игре один знакомый чалдон попытался его причесать, так его потом нашли неподалеку с перерезанным горлом. Отаров – мужик чукавый.

– Какой он мужик?

– Ну умный, – объяснил Штырь. – Сразу просекает, когда игра идет с шансом. Поэтому и любит больше преферанс. Там особо не передернешь и на одной удаче не выедешь. Мозгами шевелить нужно, а он это уважает.

– Ясно, – сказал Барков. – Значит, вся эта информация от твоих чалдонов?

– Ну почему от моих? Они не мои, они – сами по себе. Да и не одни только чалдоны в катранах головой вертят. Ну то есть в карты играют, – перевел Штырь на человеческий язык. – Конкретные пацаны тоже часто приходят – напряжение после дела снять. С ними особо не помудришь, если что заметят – сразу за стволы хватаются. Хотя под конец все равно пустыми уходят. – Штырь улыбнулся и добавил: – Дело техники.

– Что ж, эти твои «пацаны» – такие болтливые? – с сомнением спросил Барков.

– Да любят иногда после рюмки-другой языками почесать. Подвигами своими хвастаются. Они ж все фраера, на нарах не сидели. Да и молодые еще. А у молодых что на уме, то и на языке.

Барков взялся за бутылку. Он сделал несколько больших глотков, затем поставил бутылку на стол, вытер мокрый рот ладонью и сказал, резюмируя все услышанное:

– Значит, ты утверждаешь, что в свите Отарова есть команда специалистов по ликвидации неугодных персон.

Штырь кивнул:

– Именно.

Барков пристально посмотрел на игрока и спросил, понизив голос до хриплого шепота:

– Может, ты знаешь какие-то имена?

Штырь удивленно усмехнулся:

– Что вы, товарищ капитан! Откуда? Имена этих людей знает только сам Отаров. Я – человек маленький. Просто люблю слушать, и память у меня хорошая. Этим мои заслуги и ограничиваются.

– Хорошо, – не без некоторого разочарования произнес Барков. – Поверю тебе на слово. О нашем разговоре никому, понял?

– Обижаешь, начальник. Что я, сам себе враг, что ли?

– Уши держи в рабочем состоянии, – строго сказал Барков. – Если услышишь еще что-нибудь об Отарове и его людях – тут же позвони мне.

– Будет сделано. Вот только...

– Что еще?

Худое лицо Штыря вытянулось вперед, как у лисы, почуявшей добычу.

– А как насчет вознаграждения? – скромно спросил он.

Барков достал из кармана бумажник, отсчитал несколько бумажек и протянул их Штыреву. Штырев взял деньги, пересчитал их, аккуратно свернул и спрятал в карман. Посмотрел на Баркова:

– Спасибо, капитан. Я знал, что не обманете. – Тут он выдержал паузу, словно что-то обдумывал, затем быстро огляделся, нагнулся к Баркову и тихо сказал: – Вы ведь расследуете убийство Канунниковой, так?

– Так, – кивнул Барков.

– А если бы я вдруг сообщил вам имя убийцы, сколько бы вы мне за это заплатили?

Барков невозмутимо кивнул на карман Штыря, в который тот упрятал деньги, и сказал:

– Столько же.

Штырев подобострастно улыбнулся:

– А если, скажем, раза в три побольше?

В ответ Барков нахмурился и сказал:

– Штырев, не наглай. Ты у меня на крючке, помнишь? Скажи спасибо, что хоть что-то плачу.

Штырь откинулся на спинку стула и вздохнул:

– Это не разговор, начальник. Только-только стал прони-

катся к вам доверием, и вдруг такой финт. Вы же знаете, в нашем деле лучше обходиться без угроз. Знаете, как дрессируют зверей в цирке?

– Кнутом, – сказал Барков.

Штырев сделал грустное лицо и покачал головой:

– Нет, начальник. Их дрессируют лаской. – Он сложил пальцы правой руку щепотью и выразительно потер пальцами. – Понимаете – лаской.

Барков посмотрел на игрока так, словно хотел испепелить его взглядом. Однако на Штырева это не подействовало. На лице его застыло беззаботное и невинное выражение.

– Что ж, ты прав, – сказал наконец Барков. – Ладно. В общем, так: если информация подтвердится, ты получишь эти деньги.

– Столько, сколько я сказал? – уточнил Штырь.

Барков кивнул:

– Да.

– Ну вот, другое дело, – обрадовался игрок. – Как говорится, будьте на связи. Сегодня вечером у меня игра в одном катране на «Черкизовской». Обещались быть и пацаны Отарова. Если чего сболтнут – расскажу. А теперь – адью!

Штырь допил свое пиво, выбрался из-за стола и, махнув Баркову на прощание рукой, двинулся к выходу, насвистывая какую-то блатную песенку.

Вячеславу Штыреву было тридцать шесть лет, и восемь из них он просидел в тюрьме. По сути, он не был плохим человеком. И таковым себя не считал. Прекрасно отдавая себе отчет в том, что воровать и мошенничать плохо, Штырев тем не менее зарабатывал себе деньги на пропитание, обманывая людей. Но он не всегда был таким.

В детском саду Слава Штырев мечтал стать космонавтом. И неспроста. Отец Славы, Леонид Сергеевич Штырев, был артистом и служил в новосибирском театре «Красный факел». Благодаря харизматической внешности играл он в основном людей военных, а также царей и партийных работников. Но больше всего ему удавались роли романтических летчиков и офицеров-подводников. Один из известных театральных критиков как-то раз написал о Штыреве-старшем, что на сцене он похож на летчика и подводника гораздо больше, чем любой настоящий летчик или подводник. Эта фраза польстила Леониду Сергеевичу, он вырезал заметку, вставил ее в рамочку и повесил на стену у себя в кабинете.

Со временем амплуа настолько сильно въелось в чувствительную душу Штырева-старшего, что он почти перестал различать сцену и реальную жизнь. Нет, военные френчи Леонид Сергеевич не носил. Но квартира артиста наполнилась специфическими предметами, которые он покупал вез-

де, где только можно было, особенно во время гастролей в портовых городах: штурвал, морской бинокль, капитанская фуражка, разнообразные модели самолетов, планшеты, летный шлем. И все это богатство было развешано на стенах или же водружено на самое видное место.

Маленький Слава Штырев, не разбираясь еще в тонкостях актерского ремесла, искренне верил, что его отец – один из этих смелых, сильных мужчин в военной форме, которых постоянно показывают по телевизору в программе «Время». Слава любовался отцом, обожал его, ловил каждое его слово, особенно сказанное со сцены. Постепенно мысль о том, что он тоже станет космонавтом или подводником, захватила Славу целиком. Вернее, он воспринимал это как нечто само собой разумеющееся. Раз папа ходит в форме, то и на нем когда-нибудь будет такая же форма.

В юности, когда перспектива полететь в космос оказалась столь трудноосуществимой и зыбкой, что ее можно было спокойно отнести в разряд несбыточных мечтаний, Слава Штырев решил стать летчиком-испытателем. Он не просто мечтал, он целенаправленно шел к своей цели: поступил на курсы парашютистов и, благополучно закончив их, остался в парашютной спортивной секции. К десятому классу он успел сделать двадцать пять прыжков и не собирался останавливаться на достигнутом.

Жизнь Славы Штырева была четко расписана как минимум на двадцать лет вперед. После школы он решил пойти

в армию – десантником. Конечно, можно было сразу попытаться поступить в летное училище, но Слава Штырев не искал легких путей. Отец учил его, что каждый мужчина должен пройти армейскую выучку в качестве простого рядового солдата. А уже после этого можно было смело идти по выбранному жизненному пути, каким бы сложным он ни был.

Однако в десант Вячеслав Штырев не попал, так как все вакантные места, выделенные на город по распределению военкомата, были уже заняты. И тогда его определили в автороту. Поначалу Штырев сильно расстроился, но отец сказал:

– Сынок, поверь, это не повод для расстройства. Посуди сам: ведь авторота – это намного лучше, чем пехота или пограничные войска. В автороте ты сможешь овладеть техникой. А это очень важно для будущего летчика. Ведь тебе необходимо будет научиться быть «одним целым» со своим самолетом. Чувствовать крылья самолета, как свои руки, а его шасси – как свои ноги. Для начала овладей автомобилем. Все большое начинается с малого!

И Слава Штырев внял словам отца. Поразмыслив, он даже решил, что ему повезло. Что судьба выдала ему нужную карту, и главное теперь – воспользоваться этой картой наилучшим способом. С этим радужным и светлым чувством он и пошел в армию.

На перроне отец сказал ему:

– Слава, главное – во всех ситуациях оставаться человеком. Идти по жизни с высоко поднятой головой. И еще – все-

гда блюсти офицерскую честь.

– Но ведь я пока не офицер, – напомнил отцу Слава.

Отец улыбнулся красивой, мужественной улыбкой и сказал:

– Ничего. Сегодня не офицер, завтра – офицер. Есть такая хорошая русская пословица: береги честь смолоду. И запомни, сын, если ты сам себя уважаешь, то тебя будут уважать и другие. Не позволяй никому садиться себе на шею. Поверь мне, сынок, любой враг, даже самый дерзкий и сильный, убежит от одного твердого взгляда.

На третий день службы старшие товарищи объяснили Славе Штыреву, что – прежде чем стать водителем – нужно сперва получить права. А получать их нужно ночью. Как? Ему объяснят.

Ночью Штырева разбудили и заставили его встать на карачки. Потом он вместе со своими юными однополчанами долго ползал по казарме, гудя и рыча наподобие автомобильного мотора и зажигая время от времени спички, которые призваны были осуществлять функцию «поворотников». Время от времени он останавливался возле кровати, на которой лежал кто-либо из старослужащих, и получал «путевой лист» (в реальности – сильный удар кулаком по лицу). После чего продолжал свой путь. К утру старшие товарищи объявили Штыреву, что он «сдал на права».

В ту ночь романтическим устремлениям Вячеслава Штырева был нанесен сильнейший удар. Он сильно сомневался,

что унижения, которым подвергли его «деды», сделают из него «настоящего мужчину». Более того, он от всей души ненавидел себя за трусость, которая не позволила ему отказаться от «получения прав». А разве трусливый человек может стать летчиком?

Понукаемый этими мыслями, а также памятуя слова отца об уважении к себе и «одном твердом взгляде», Штырев дал себе слово, что больше не будет терпеливо сносить унижения – никогда и ни от кого.

На следующий день к Штыреву ленивой походочкой подошел ефрейтор Рыбкин. Некоторое время он стоял перед Вячеславом, разглядывая его в насмешливый прищур и ковыряя пальцем в зубах, потом сказал:

– Слушай, Штырь, тебе задание. Там, на табурете, стоит таз с грязными носками. Ты должен их выстирать. И не просто выстирать, а уложиться в десять минут. Если не уложишься – мне придется отобрать у тебя «права». А это значит, что ты будешь получать их заново. Усек?

– Усек, – сказал Штырев.

– Ну тогда действуй. Время пошло.

Штырев взял тазик, отнес его в туалет и вылил носки вместе с грязной водой в унитаз. Потом вернулся и поставил пустой тазик на табурет. Сердце его учащенно билось, на щеках выступил взволнованный румянец. Он был напуган и горд своим поступком.

– Где носки? – спросил его ефрейтор Рыбкин.

– Плавают в унитазе, – ответил Слава Штырев. – Не веришь – иди проверь.

– Так ты че, их специально туда вылил? – удивленно спросил Рыбкин.

Штырев кивнул:

– Да.

И тут ефрейтор Рыбкин посмотрел на него таким взглядом, что у Штырева сердце остановилось в груди и кровь застыла в жилах.

«Не позволяя никому садиться себе на шею, – вспомнил он слова отца. – Поверь мне, сынок, любой враг, даже самый дерзкий и сильный, убежит от одного твердого взгляда».

И Штырев попытался вложить в свой ответный взгляд максимум твердости, хладнокровия и внутренней духовной силы.

И свершилось чудо! Не выдержав прямого, твердого взгляда Вячеслава, ефрейтор Рыбкин отвел глаза, усмехнулся и сказал:

– Ну-ну.

В этот день Штырева никто не тронул. «Деды» лишь подивились отваге и хладнокровию «салаги».

– Точно вам говорю, этому парню «жить – насрать», – доказывал друзьям старослужащий Рыбкин.

– Да, этот «дух» – настоящий мужик, – подтверждали старослужащие, одобрительно глядя на Штырева.

«Иногда все, что требуется от человека, чтобы избежать

унижений, это набраться смелости и открыто объявить о своем несогласии», – подумал Штырев. Он даже записал эту мысль в дневник. Уснул Слава Штырев с легким сердцем.

Ночью Рыбкин поднял Штырева и сказал:

– Слышь, зема, там в туалете лампочка перегорела. Не в падлу – иди прикрути, а?

– А ты сам, что ли, не можешь? – спросил толком не проснувшийся Штырев.

Рыбкин покачал головой:

– Не могу. У меня вестибулярный аппарат слабый, а там высоко, нужно на табуретку вставать.

– Ладно, сейчас вкручу.

Штырев поднялся с кровати и, зевая, двинулся в туалет. В туалете было темно, но при свете спички Штырев увидел, что табуретка уже стоит на месте. Он осторожно забрался на табуретку, взял у ефрейтора Рыбкина новую лампочку и вкрутил ее в пустой патрон.

Едва лампочка зажглась, как страшная сила ударила Штырева в пах и сбросила с табуретки, прямо на заплыванный пол туалета. Следующий удар пришелся по голове, и Штырев почувствовал, как в мозгу у него что-то лопнуло, а по лицу побежала горячая и липкая кровь. Трое «дедов» били и пинали его несколько минут. Штырев не издал ни стоны, он лежал на полу и отчаянно пытался прикрыть руками голову и грудь. Однако это слабо помогало.

Утром, в лазарете, врач подвел итог ночных приключе-

ний Штырева: сломанный нос, сломанное ребро, повреждение позвоночника и обширный ушиб головного мозга. Не считая синяков и ссадин.

– Кто это вас так? – спросил врач, оказав пострадавшему Штыреву первую медицинскую помощь.

– Никто, – прошептал Штырев разбитыми губами. – Упал.

– Очень неосторожно упали, – недовольно заметил врач. – Жить, конечно, будете, но профессиональным водителем уже не станете.

Штырев собрал все силы в кулак и спросил, преодолевая боль, тошноту и головокружение:

– А летчиком? Летчиком я буду?

– Кем-кем? Летчиком? – Врач грустно улыбнулся и покачал головой: – Нет, парень. Увы, но летчиком тебе не быть. Но это не повод расстраиваться. На свете много прекрасных специальностей. Например, ты можешь стать слесарем. – Врач пожал плечами. – Ну или учителем.

Штырев закрыл глаза и впал в забытие.

На следующий день отец с матерью приехали к Вячеславу в госпиталь. Мать все время плакала, а отец лишь мужественно прикладывал платок к сухим глазам и приговаривал:

– Не беда, сынок. На свете много прекрасных профессий.

Вячеслав был с родителями немногословен и сух. Через два дня они уехали домой еще более расстроенные, чем когда приехали.

Стоит ли объяснять, что вместе с мечтой о небе рухнула и вера Штырева в отца и его правоту. Оказалось, что отец вовсе не герой, а всего лишь обычный позер, к тому же не самый умный из позеров, а попросту – ничего не понимающий в жизни дурак. А ведь все, что нужно было Вячеславу, чтобы его юношеская мечта осуществилась, это выдержать унижения и издевательства «дедов», настолько невинные, что в сравнении с тем, что случилось потом, они выглядели как детские шалости. Нужно было применить самый минимум выносливости и изворотливости. Как жаль, что Вячеславу никто не объяснил этого раньше.

Из этого случая Штырев вынес невеселый, но мудрый урок: высокие принципы приводят на больничную койку. Иногда все, что требуется от человека, чтобы избежать неприятностей, это подчиниться обстоятельствам и играть по правилам, которые устанавливают другие, более сильные, чем ты, люди.

После госпиталя Штырева демобилизовали. Поначалу он сильно запил, но однажды во время попойки друзья привели его к нужным людям, которые стали для него настоящими учителями жизни.

Так Слава Штырев стал вором. Со временем он переквалифицировался в карточного шулера, и эта счастливая специализация приносила ему немалый доход.

Три года назад один из друзей предложил Штыреву наказать одного лоха. Тот приехал из какой-то глухой провинции

с твердым желанием купить в Москве квартиру. Деньги он привез «наликом» в черном кожаном кейсе, с которым не расставался ни днем ни ночью. От Штырева требовалось втереться к лоху в доверие и «раскрутить его на теплую дружбу с дальнейшим кидаловом». Задача сложная, но вполне выполнимая.

Пользуясь обширными связями, Штырев сделал так, что его и «клиента» поселили в одном гостиничном номере. Там они сразу же сдружились, чему немало способствовала бутылка коньяку. Штырев принял самое непосредственное участие в судьбе своего нового друга. На второй бутылке выяснилось, что у Штырева есть в Москве знакомый риелтор. «Толковый парень, и берет по-божески».

«Клиент» попросил Штырева помочь ему в покупке квартиры, и тот охотно согласился. В ближайшие два дня риелтор – «по дружбе» – подыскал «клиенту» отличную квартиру почти в центре города («клиент» и помыслить не мог о такой удаче), вот только стоила она на пару тысяч зеленых дороже, чем было у «клиента».

Штырев вызвался помочь и на этот раз. Он доверительно сообщил своему новому другу, что знает местечко, где, имея на руках пару сотен, можно заработать за ночь пять кусков, а то и больше. «Клиент» клюнул. Все, что оставалось Штыреву, это привести его в подпольный катран и включить в игру. Что он с успехом и проделал.

Беда была лишь в том, что «клиент» оказался вовсе не

глуповатым, жадным провинциалом, каким он предстал перед Штыревым, а сотрудником милиции. И звали его вовсе не «Егор Иванович Коровин», как представился он Штыреву, а совсем наоборот – старший лейтенант Евгений Борисович Барков. Так Штырев попал на крючок к ментам.

Его не посадили, но с тех пор он обязан был сообщать Баркову необходимую информацию о различных персонах уголовного мира, с которыми ему приходилось время от времени встречаться. Хорошо еще, что за эту информацию менты платили (не так щедро, как хотелось бы, но все-таки). Это не давало Штыреву окончательно упасть в собственных глазах. Ведь когда тебе платят за стукачество, оно превращается в обычный бизнес. Не лучше и не хуже, чем любой другой.

А что касается этики уголовного мира, всей этой «жизни по понятиям», то Штырев никогда не питал иллюзий на этот счет. Жульничество есть жульничество, а самый маститый урка ничуть не лучше простого лоха. К тому же Штырь твердо помнил урок, который преподала ему жизнь: иногда все, что требуется от человека, чтобы избежать неприятностей, это подчиниться обстоятельствам и играть по правилам, которые устанавливают другие, более сильные, чем ты, люди.

Игра проходила в небольшом подпольном клубе, который располагался в квартире одного бывшего каталы, а ныне – честного предпринимателя. В центре гостиной находился стол, накрытый зеленым сукном, в углу стояла небольшая барная стойка, а на ней – несколько бутылок с горячительными напитками.

Перед игрой Штырь подошел к пареньку, разносящему спиртные напитки, взял рюмку с коньяком и мимоходом шепнул:

– Видишь тех двух парней – один в черном свитере, а другой, рядом с ним, в пиджаке?

Разносчик проследил за его взглядом и сказал:

– Ну.

– Следи за их стаканами. Как только опустеют – сразу подливай. Если не пропустишь ни разу – получишь десять баксов. Идет?

Паренек посмотрел на Штыря серьезным, понимающим взглядом и шепнул одними губами:

– Идет.

Паренек-разносчик был сообразительным малым. Штырю не в первый раз приходилось давать ему указания, и парень еще ни разу его не подводил. Конечно, разводить бандитов было гораздо опаснее, чем кидать простых лохов. Но куш,

обещанный капитаном Барковым, был весьма и весьма внушительным, а внушительная сумма всегда придавала Штырю храбрости.

Штырь подошел к игровому столу.

– Ну че, пацаны, сыграем по-крупному? – весело спросил один из бандитов (тот, что в черном свитере), затем достал из кармана пачку зеленых купюр, потрянул ею в воздухе и сказал: – Ставлю весь этот кэш, что сегодня мы с Халимоном надерем вам задницу!

При виде денег глаза у Штырева засверкали.

Игра началась вяло. Ставки были маленькими, к тому же шулерам не фартило, а играть «с шансом» (то есть с использованием шулерских приемов), пока «пацаны» были трезвыми, они не решались.

Паренек-разносчик знал свое дело. К третьему кругу бандиты были уже изрядно пьяны. Языки у них развязались. Заграбастав очередную казну, довольный бандит в черном свитере весело рассмеялся:

– Ну че, пассажиры, хорошо я вас приземлил? А еще игроки! Да вы дети малые, а не игроки. Вас по улице за ручку водить надо, чтобы под машину не попали!

– Ну ясное дело, – кивнул один из игроков. – Мы – дети малые, а ты у нас круче вареного яйца. – Он кивнул на пистолет, торчащий у бандита из-за пояса: – Скорлупа-то не жмет?

– Не бойсь, – ответил бандит. – А таких, как вы, я и без

скорлупы разведу.

– Да ты хоть стрелять-то из него умеешь, сынок? – иронично поинтересовался у бандита Штырь.

Разговаривать с пьяным бандитом в таком тоне, конечно, не следовало, но Штырь верил в свои силы, в свой дипломатический талант и надеялся на удачу.

Бандит остановил на Штыре тяжелый, помутневший от выпитого взгляд:

– Че, баклан, хочешь, чтобы показал? – прищурившись, спросил он.

Штырь невинно улыбнулся:

– Зачем показывать? Ты просто скажи, я на слово поверю. Многих, поди, положил, а?

– Больше, чем ты обул лохов, – изрек бандит.

– Да ну? – усомнился Штырь.

Бандит вальяжно развалился, положив локоть на спинку стула, и нагло посмотрел на Штыря:

– Ты че, братан, в натуре, ниче не слыхал про Дашко?

Штырь покачал головой:

– Нет. А кто это?

– Нет? – удивился бандит. Он повернулся к своему более молчаливому приятелю в пиджаке и сказал: – Халимон, прикинь, эти ребята ниче про меня не знают.

Халимон ничего не ответил. Он сосредоточенно разглядывал свои карты. Тогда бандит снова повернулся к Штырю и сказал:

– Слышал про депутатшу, которую недавно завалили?

«Вот оно!» – шевельнулось в мозгу Штырева. Бандит сам вырулил на эту тему, оставалось лишь немного его раскрыть.

– Ну, – сказал Штырь.

Бандит ослабил в усмешке крепкие, белые зубы.

– Ты че, думаешь, она, в натуре, сама собой концы отдала?

– Ее муж шлепнул, – сказал Штырь и повысил ставку. – А потом себя. Во всех газетах писали.

– Ха! – Бандит ударил ладонью по столу. – Ты верь больше этим газетам. Они же все купленные.

Штырь бросил в «кассу» еще пару фишек и небрежно сказал:

– Ты, что ли, ее завалил?

– Ну не ты же, – ответил бандит, поддерживая ставку.

Штырь пробежался взглядом по картам, делая вид, что прикидывает в уме свои шансы. Потом лениво сказал:

– Гонишь, поди?

Глаза бандита возмущенно сверкнули.

– Я? Гоню? Слова пацана! И ее, и мужа, пидора этого старого.

Тут второй бандит (тот, что в пиджаке) оторвал взгляд от карт и мрачно посмотрел на хвастливого бандита.

– Дашко, кончай базар, – коротко сказал он.

Дашко в ответ пожал плечами:

– Да я че – я ниче. Вскрываемся.

Больше Штырь, как ни пытался, не смог выудить у Дашко ни слова. Тот болтал о чем угодно, только не о своих подвигах. Пару раз Штырь ловил на себе быстрые, пристальные взгляды второго бандита, Халимона, но не придал этому большого значения. Многие бандиты всех людей на свете считают своими врагами и никому не доверяют, даже своим друзьям и «коллегам»; по всей вероятности, Халимон был из этой сумрачной породы.

Информации было немного, но главное Штырь все же узнал. Убийцей (или одним из убийц) Канунниковой был бандит по кличке Дашко. Возможно, кто-то из друзей-игроков знает его настоящую фамилию. Теперь нужно дождаться, пока бандиты уйдут, а потом осторожно порасспрашивать коллег-шулеров.

Хотя нет, пожалуй, лучше всего это сделать завтра или послезавтра, чтобы не вызвать лишних подозрений. Игроки – не дураки. Они никогда не позволяют себе интересоваться родом и спецификой деятельности бандитов, сидящих за игровым столом. Штырь нарушил это негласное правило; сделал он это ненавязчиво и неявно, но кто-нибудь из игроков наверняка мог обратить на это внимание.

«Ничего, – подумал Штырь, незаметно поглядывая на игроков, – главное, чтобы бандиты ничего не заметили. С остальными я как-нибудь разберусь».

Минут через сорок игру закрыли и стали расходиться.

Дашко и Халимон высосали по несколько стаканов виски, однако на ногах стояли твердо. Игру они отдали. Дашко был в убытке почти на семьсот баксов, Халимон отделался меньшей кровью, он проиграл чуть меньше трехсот.

Распрощавшись с довольными и пьяными бандитами, Штырь сел в машину и достал из кармана «мобилу». Домашний телефон Баркова молчал, тогда он позвонил капитану на работу.

– Капитан Барков слушает, – отозвался Барков.

– До сих пор на работе? – усмехнулся в трубку Штырь. – Вы что, капитан, вообще не отдыхаете?

– Штырев, это ты?

– Да, начальник.

– Что случилось?

– Помните о нашем уговоре?

Барков помолчал, припоминая.

– Насчет денег? – спросил он.

– Ну.

– Помню. А что, появилась новая информация?

– Появилась. Я только что с игры. Тут один фраерок из кодлы Отарова хвастался, что собственноручно завалил депутатшу.

– Кто такой? Как фамилия?

– Фамилию пока не знаю, а погоняло у него Дашко. Я еще поспрошаю у ребят, может, кто и знает фамилию.

– Как только выяснишь – сразу позвони мне.

– Слушаюсь, *босс*!

Штырь дал отбой и спрятал телефон в карман. В стекло кто-то постучал. Штырь вздрогнул и повернулся. Возле машины стоял Халимон. Штырь опустил стекло и вопросительно на него посмотрел.

– Слышь, Штырь, – негромко обратился к нему Халимон, – у меня там тачка сдохла. Может, подбросишь до дома?

– А что, Дашко не может?

– А мы с ним на одной, – ответил бандит.

Штырь нахмурился и тихо вздохнул; в его планы не входило колесить с бандитами по городу, к тому же выигрыш сильно «жег» карман.

– Ладно, забирайтесь, – нехотя сказал Штырь и открыл дверцу.

Бандиты ввалились в салон, впустив с улицы холод. Дашко сел рядом со Штырем, а Халимон забрался на заднее сиденье.

– Ну что, куда вас? – спросил Штырь у Дашко.

Тот повернулся, как-то странно посмотрел на игрока (в полумраке салона прищуренные глаза его блеснули, как два бритвенных лезвия) и сказал:

– На кладбище.

– Что? – не понял Штырь. – Куда?

Дашко протянул руку:

– Дай сюда «мобилу», терпила.

– Зачем?

Возле уха Штыря что-то щелкнуло, и вслед за тем холодная сталь ножа коснулась его шеи.

– Дай ему «мобилу», – тихо приказал Халимон.

Во рту у Штырева разом пересохло, по спине покатился холодный пот, а сердце провалилось куда-то в живот. Дрожащей рукой достал он из кармана пальто сотовый телефон и протянул его Дашко.

Некоторое время бандит возился с телефоном, потом нажал на кнопку и приложил трубку к уху.

– Капитан Барков слушает, – услышал он в трубке.

– Это милиция? – негромко спросил Дашко.

– Да. Я вас слушаю...

Дашко отключил телефон. Повернулся к Штыреву и посмотрел на него в жестокий волчий прищур.

– Милиция, значит? – холодно спросил он.

Глаза Штырева испуганно заметались.

– Пацаны, я все объясню, – произнес он высоким и звонким от ужаса голосом.

– Само собой, – едко улыбнулся ему Дашко. – Само собой, плесень. Щас обо всем перетрем без нездоровой канители. И чем быстрее, тем лучше. Только не вздумай нам фуфло толкать. Давай колись, что ты успел рассказать менту?

Штырев решил сменить тактику. Он обиженно выпалил:

– Вы че, пацаны, опухли? Да ничего я никому не рассказывал! В ментовку меня вызывали, ясно? По делу. Свидетелем я у них прохожу.

– Че за дело? – поинтересовался Дашко.

– Да мой приятель лоха одного разгрузил на две тонны. Тот в милицию подал. Теперь привлекают за жульничество. А я вроде как свидетель.

Дашко внимательно взгляделся в бледное, тощее лицо Штырева, глянул на второго бандита.

– Ну че, Халимон? Как думаешь, врет этот пидор или правду говорит?

Штырев замер в ожидании ответа, от которого, возможно, зависела его жизнь. Он чувствовал на своей правой щеке горячее и тяжелое от выпитого виски дыхание Халимона.

– По-моему, исполняет, – негромко отозвался Халимон. – Затихариться решил. Думает, мы лохи.

Дашко посмотрел на Штырева и задумчиво нахмурился:

– Слышь, баклан, а вот мой кореш тебе не верит. Говорит, ты нам фуффло впариваешь.

Штырев изобразил на своем тощем лице возмущение, смешанное с обидой.

– Да вы что, пацаны! – воскликнул он дрогнувшим голосом. – Что я, дурак, что ли, вам врать? Или за крысу меня держите? Говорю вам – этот мент звонил мне, чтоб вызвать на допрос. Договорились на завтра. А я ему перезвонил, хотел сказать, что с утра заехать в ментовскую не могу, дела. Только он все равно не послушал...

И тут заговорил Халимон.

– Слушай сюда, баклан, – начал он со спокойной, флег-

матичной жестокостью, – ты кончай нам эту байду сливать, понял? Че, думаешь, на козлов нарвался, фишку не рубим? Да я сразу все понял, когда ты Дашко на базар разводил. Все пытался, в натуре он эту суку завалил или исполняет? Так что ты меня за лоха не держи. Колись, чего ты ему про нас с Дашко наплел? И не вздумай говорить, что ты про нас не упоминал. Этим ты оскорбляешь мой разум, понял? Я тебя за одно это пришью.

Побледневшее лицо Штырева пошло пятнами. На плешивом лбу выступили крупные капли пота.

– Ладно, скажу. – Он сглотнул слюну и заговорил, сбивчиво, быстро: – Прижали меня, пацаны. На крючок посадили. Сказали, если сотрудничать не буду – кандалы наденут и по этапу пустят. Велели разузнать про Отарова и про депутатшу эту...

– Что ты успел рассказать? – спросил Халимон.

– Да почти ничего. Только про то, что Дашко похвалялся. Но имен я не называл! Сукой буду – не называл. Да и не знаю я их, имен-то.

– И не узнаешь уже, – хрипло сказал Халимон и спокойным, расчетливым движением перерезал Штыреву горло.

Кровь брызнула на ветровое стекло, забулькала у Штырева на губах, обильно полилась ему на грудь. Он несколько раз дернулся (Халимон придержал его за плечи) и затих.

Дашко смотрел на все это расширившимися от изумления глазами.

– Ты че, Халимон? – выговорил он, сглотнув слюну. – С катушек съехал? Хрен ли ты его пришил?

Халимон спокойно и неторопливо вытер окровавленную бритву о плечо мертвого Штыря, сложил ее, затем достал из кармана платок, завернул в него бритву и положил ее в карман. После этого спокойно посмотрел на Дашко и сказал:

– А ты че хотел, чтобы он тебя ментам сдал?

– Он же имен наших не знал!

Халимон еле заметно усмехнулся:

– Сегодня не знал, а завтра бы узнал. Менты бы заставили.

Дашко задумчиво поскреб в затылке и кивнул:

– И то верно. Об этом я как-то не подумал.

– Я за тебя подумал, – сказал Халимон. – Стирай пальцы.

Наследили мы тут. Платок-то хоть есть?

– Есть. – Дашко поспешно достал из кармана носовой платок.

– Три везде, где щупал, – назидательно сказал ему Халимон. – Только в кровь не вляпайся.

Дашко стал припоминать, до чего он тут успел дотронуться, затем вздохнул и начал усердно тереть платком приборную панель.

Заместитель генерального прокурора Константин Дмитриевич Меркулов был хмур и бледен. За окном падал мелкий, колкий снег, легонько постукивая в замерзшее стекло; Меркулов, вторя этому легкому постукиванию, постукивал пальцами по столешнице.

– Черт бы ее побрал, эту погоду, – проворчал Константин Дмитриевич. – И чертов организм, который от нее зависит. Еще лет пять, и буду хрустеть суставами перед каждым дождем.

– Что, так плохо? – прищурился Турецкий.

Меркулов скривил лицо, давая понять, насколько туго ему пришлось прошедшей ночью.

– Полночи проворочался, – сварливо ответил он. – Дурацкое состояние – спать хочется до смерти, а уснуть не могу. Голова тяжелая, как будто ее бинтами стянули. Черт его знает, что такое. Давление, что ли, скачет?

– К врачу не ходил? – спросил Турецкий.

Меркулов махнул рукой:

– Какое там. Ты же знаешь, мне сейчас не до врачей. Кофейком с утра накачался, на этом горючем и живу. – Константин Дмитриевич оторвал руку от столешницу и потер пальцами усталые глаза с опухшими веками. Посмотрел на Турецкого. – Ладно, Саня. Давай рассказывай, что там с

агентами Грязнова? Удалось что-нибудь выяснить?

– Кое-что удалось, – кивнул Турецкий. – Агенты, мобилизованные Грязновым, сообщили интересную информацию. В свите Юрия Отарова есть команда специалистов по ликвидации неугодных персон.

– Команда киллеров – так, что ли?

Александр Борисович кивнул:

– Угу. Бандит по кличке Дашко за игрой в покер хвалился, что он и его напарник «завалили депутатшу».

– А кто об этом сообщил?

– Один из агентов. Он сидел за игровым столом. Потом позвонил офицеру, который его курировал.

– О как! – неопределенно сказал Меркулов. – И что же, этому трепу можно верить?

– По-моему, да. Ребята Славы Грязнова занялись этим Дашко вплотную. Проверяли по всем каналам. Дело осложнилось тем, что агент, который сообщил о Дашко, исчез. Он должен был выйти на связь со своим куратором, но так и не вышел.

Меркулов кивнул:

– Ясно. А что за агент? Человек-то хоть проверенный?

Турецкий пожал плечами:

– Не знаю. Он вроде бы был на крючке. И вроде бы не особенно жаждал с этого крючка соскочить. Возможно, бандиты узнали, что он стукач, и разобрались с ним по-своему.

– Может быть, может быть... Ну а как насчет этого... Даш-

ко?

Турецкий ответил:

– Авторитета с такой кличкой в Москве нет. Но среди людей Юрия Отарова есть парень по фамилии Дашкевич. Возможно, это он.

– Гм. – Меркулов задумчиво почесал пальцами подбородок, поглядывая на Турецкого из-под нахмуренных бровей. – Что ж, вполне может быть. Под наблюдение его взял?

Турецкий кивнул:

– Да. Все как полагается.

– Ну, дай Бог, дай Бог, – вздохнул Меркулов и потер пальцами виски.

Турецкий чуть склонил голову набок и, прищурившись, посмотрел на Меркулова.

– Константин Дмитриевич, – заговорил он, – если все, что говорил этот Дашко, правда, то мы с тобой обязаны провести повторный осмотр места происшествия. А также следственный эксперимент с привлечением экспертов-криминалистов. Нужна комплексная медико-криминалистическая и баллистическая экспертиза.

– Это само собой, – согласился Меркулов. – Он поднял взгляд и лукаво посмотрел на Турецкого. – Я смотрю, об отпуске ты уже и не заикаешься?

Турецкий недовольно дернул бровью:

– А чего о нем заикаться? Я ведь с самого начала чувствовал, что увязну в этом деле по самые уши. Жизнь показала,

что интуиция не обманула меня и на этот раз.

– А как Ирина?

– Отдыхает, – сказал Турецкий. – И все еще надеется, что я вырвусь к ней хотя бы на пару дней.

– Бедная девочка, – улыбнулся Меркулов. – Но с другой стороны, она ведь знала, за кого выходит замуж.

– Она не знала, какой зверь у меня начальник, – иронично ответил Турецкий. – Знала бы – наверняка бы не вышла.

Егор Дашкевич, известный преступному миру по кличке Дашко, достал из холодильника копченое мясо и бутылку пива. Мясо он порезал на аккуратные пластики и выложил на тарелку. Пиво открыл зубами – благо зубы у него были такие, что только гвозди ими перекусывать.

До двух часов дня Дашкевич был абсолютно свободен. Однако из дома решил не уходить. Черт его знает, что может прийти в голову боссу. Вдруг он захочет, чтобы Егор срочно куда-то ехал, а на мобильник своему верному помощнику (Дашкевичу приятно было думать, что он не просто «шестерка» босса, а его «верный помощник») прозвониться не сможет. Как потом оправдаться?

Дашкевич сел за стол, поправив полы мохнатого халата, и принялся поглощать копченое мясо, пластик за пластиком, запивая его холодным пивом и рассеянно поглядывая в окно.

Егору Дашкевичу было двадцать три года. На первый взгляд – возраст не ахти какой, но ведь это как посмотреть. Иной столетний старец, патриарх и «мудрец», в жизни ничего, кроме собственных лаптей, и не нюхал. А иной «молодой да зеленый» испытал за свою недолгую жизнь столько, сколько хватит и на десяток пожилых мужиков, которые каждое воскресенье «забивают козла», сидя за обшарпанным столом в уютном московском дворике, прямо под окнами квартиры,

в которой вот уже два года жил Егор Дашкевич.

Ох, как не любил Дашко этих стариков. В представлении Егора старые люди были чем-то вроде устаревшего или списанного за ненадобностью материала, который все еще – непонятно по каким причинам – значится в каком-то таинственном списке какого-то таинственного ведомства. И в дело этот материал не употребишь, и сжечь его нельзя. Вот и приходится Егору каждый раз, глядя в окно, видеть перед собой всю эту никчемную, крикливую рухлядь.

Егор Дашкевич стал сиротой в десять лет. Его родителей сбил грузовик, а за рулем грузовика сидел пьяный ублюдок. Ублюдку дали всего восемь лет – сработали какие-то там смягчающие обстоятельства. А Егора взяла на воспитание тетка. С теткой они жили душа в душу. Она редко появлялась дома, а если и появлялась, то лишь затем, чтобы проспаться и протрезветь. Егора это вполне устраивало. Время от времени тетка приводила в дом подруг – таких же пьяных, стареющих и слезливых, как и она сама. Одна из таких подруг однажды сделала Егора мужчиной.

«Трахаться» Дашкевичу не понравилось. В сексе не было ничего похожего на то, каким его обычно показывают по телевизору в эротических фильмах. Жгучее желание, несколько телодвижений и затем – мимолетное удовлетворение, которое тут же сменяется отвращением к тому, кого вождедел еще несколько минут назад. Все это было похоже на какой-то дьявольский обман. Как если бы, околдованный чертом, че-

ловек вдруг вспыхнул бы желанием к куску навоза. Страсть и предмет этой страсти абсолютно неравнозначны, но понимать это начинаешь лишь тогда, когда сам, по собственной воле, забрался в кучу дерьма.

Пятнадцатилетний Егор очень долго думал обо всем этом и в конце концов решил – пусть весь мир обманывает себя, как хочет, а он, Егор Дашкевич, не станет обманываться. Секс – это мерзость, навоз, но уж коли без него не обойтись, то время от времени можно и немного попачкаться. Но восхвалять этот навоз, как делают это другие, Егор не намерен. Расставив, таким образом, все точки над «и», Дашкевич стал смотреть на женщин пренебрежительно, и даже – презрительно.

Кончилось все тем, что однажды в декабре он вынес пьяную тетку на улицу, прямо в ночной мрак и холод, усадил ее на скамейку и так оставил. А утром, когда толстые, обрюзгшие щеки тетки покрылись белесой изморозью, Дашкевич вызвал милицию.

Так у Егора Дашкевича появилась своя собственная квартира в Москве.

Никаких угрызений совести по поводу смерти тетки он не испытывал. Они никогда не были по-родственному близки. Тетка не лезла в жизнь Егора, Егор не трогал тетку, однако время от времени им приходилось «маячить» друг у друга перед глазами, а это не вызывало восторга у обоих.

Кто-то из них двоих должен был в конце концов освобо-

дить квартиру, чтобы окончательно оставить в покое другого. Егор был молод и здоров, тетка же была жалкой, старой пьянчужкой, то есть «отработанным материалом», от которого необходимо было избавиться. Вот Егор и избавился.

Метод решения проблемы, который Егор Дашкевич испробовал на тетке, оправдал себя целиком и полностью. Из этого случая Дашкевич сделал для себя три важных вывода: во-первых, не нужно бояться радикальных методов, во-вторых, никаких мук совести в природе не существует, и, в-третьих, главное в любом деле – не попадаться. Если твердо усвоишь эти выводы и станешь руководствоваться ими в жизни – перед тобой откроются любые перспективы.

И вскоре они открылись!

Три года назад один из приятелей, с которым Дашкевич «обстрепывал» прибыльные дела, привел его к Юрию Отарову. «Только не мямли и не тушуйся, – предупредил приятель. – Босс не любит, когда ему лижут жопу. Не лебези, но будь вежлив».

Босс оказался невысоким, полным человеком с лысовой, седоватой головой, тяжелым подбородком и умными, внимательными глазами. Он был приветлив и дружелюбен.

– Так, значит, ты хочешь у меня работать? – спросил он Егора.

– Да, – ответил Егор, стараясь не робеть и держаться свободно и вежливо (а не подобострастно и испуганно).

– Я навел о тебе кое-какие справки, – сказал босс с мягкой

отеческой полуулыбкой. – Похоже, ты и в самом деле стоящий парень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.